



16+

Ирина Енц

Когда замолчит кукушка

Рябиновая долина

Ирина Енц

**Рябиновая долина:
Когда замолчит кукушка**

«Автор»

2022

Енц И. Ю.

Рябиновая долина: Когда замолчит кукушка / И. Ю. Енц —
«Автор», 2022

Приключения героев из Рябиновой долины продолжаются. На этот раз Люся и Игорь попадают в самый центр странных и загадочных событий, вызванных яростным противостоянием между Хранителями подземной сокровищницы-библиотеки и их извечными противниками Радельцами. Странная история, произошедшая с их другом, прорабом Сергеичем, появление нового хозяина в усадьбе прежнего сторонника Радельцев, Мезенцева. Да, и Хранители ведут себя загадочно. Плен, потом побег с нечаянно обретенным другом. Собаки, идущие за беглецами по следу, и неожиданное спасение. Но спасение ли? Не угодить бы из огня да в полымя. Со всем этим предстоит столкнуться героям в новой книге из серии «Рябиновая долина».

© Енц И. Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ирина Енц
Рябиновая долина:
Когда замолчит кукушка

*Ку-ку, ку-ку, Кукушонка,
Будь добра, да ласкова,
Лети восвояси, в лес широкий,
На дую разлогий.
Тут не кукуй, людей не волнуй.
(Старый славянский наговор)*

Пролог

Весна в этом году пришла как-то внезапно. Не ласковой нежной девушкой в венке из полевых цветов, а настоящей грозной фурией. Видно, надоела ей Старуха-Зима, все не уходящая из здешних лесов, до последнего, старающаяся продлить свою власть над миром. Вот и рассвирепела Весна. Ворвалась буйными безудержными ветрами, сотрясающими горы грозами и неумными ливнями.

Лесные жители, ошалевшие от такого внезапного напора, притихли по своим норам и гнездам, не зная, чего еще они могут ожидать от этой буйной ярости, раньше всегда такой покладистой и скромной девицы – Весны. Молнии полосовали небо, как будто намеревались погромсать его на мелкие кусочки, как острые ножницы старую тряпку. Горы не выдерживали громовых раскатов, сотрясающих землю, и камнепадами выражали свой протест и удивление. А река-то, река... Вздвигая ледяной панцирь, сбивая его в плотные заторы, ревела, словно потревоженный и рассерженный зверь в своей берлоге, на многие километры разливая свои воды, выходя из берегов, затапливая все низины и ложбинки, до которых только могла дотянуться своими мутными потоками.

И Зима отступила в страхе, не выдержав такого натиска. Пытаясь спрятаться по оврагам и густым ельникам, сохраняя в тенистых местах небольшие кучки льда и снега. Неделила эта битва. И вот, наконец, покинула эти места побежденная, истерзанная войной за право властвовать, старуха, еле ноги унесла от разгневанной девицы – Весны. А молодая хозяйка, пришедшая на замену старой, окинула удовлетворенно оставленное поле боя, и взялась наводить порядок. Выглянуло из-за туч чистое, омытое ливнями, солнце, высушило и обогрело перепуганный лес, ласково погладило древние суровые камни гор. Стали выбираться пчелы из своих ульев. И птицы разноголосым пением радовали обновленный мир. Весна пришла, люди!! Радуйтесь!! Каждая травинка, каждая веточка пела от счастья. На подсохших бугорках раскинула Весна разноцветные ковры из пестрой сон-травы. Берега водоемов украсила золотыми ожерельями из калужниц и мать-и-мачехи. И вновь, обрела вид нежной и ласковой девушки, не скупясь на украшения для своих нарядов. Невесомые шарфы утреннего, почти прозрачного, тумана, раскинула по березовым веточкам, вдруг, за одну ночь, принарядившихся зеленоватой дымкой распускающихся листочков.

Пчелы жужжали над луговиной, торопясь собрать самый сладкий, первый в этом году, нектар. Ульи были выстроены ровными рядами. Добротню сколоченные из крепкого деревянного теса, обструганные с любовью и тщанием, выкрашенные яркой синей краской, и поставленные на большие устойчивые серые дикие камни, они выглядели, словно дикийвинные огромные цветы, и были видны издали со всех ближайших холмов и взгорков.

Человек лежал между ульями, широко раскинув руки. Голова его была откинута назад, будто, он любовался глубокой небесной синевой. Казалось, ну, прилег человек отдохнуть. Правда, место выбрал для этого уж больно чудное. Но, кто же ему указ-то. Своя пасека, как говорится, где хочу, там и лежу. И только, неподвижный взгляд, устремленный вверх, да кровавая струйка, запутавшаяся в аккуратно подстриженной окладистой бороде, говорили о том, что уже нет его здесь вовсе, что душа его уже вьется сладкоголосым жаворонком где-то высоко, высоко в лазурных недосыгаемых небесных далях, под сияющими лучами солнца.

Глава 1

Громкий стук в двери заставил меня вскочить, будто ошпаренной с кровати и заполошно заметаться по комнате в поисках халата, который совершенно спокойно висел на спинке стула и совсем не собирался от меня скрываться. Наконец, я сообразила, что мне нужно, схватила халат, и, путаясь в рукавах, кое как напялила его поверх пижамы. Потом, на бегу мельком глянула на часы в виде корабельного рулевого колеса, а по морским традициям, называющегося «штурвалом», и скорчила злобную физиономию. Ох, не завидовала я тому, кто разбудил меня в такую рань, и сейчас все еще продолжал барабанить под дверь. На часах было ровно пять тридцать утра.

Вообще, надо было сказать, что в такую рань я была готова прибить каждого, кто попадется мне под руку. Однажды, еще когда я работала в тайге, молодой мастер по неопытности попробовал меня вот примерно так же разбудить. Так, если бы он вовремя не шархнулся в сторону (опять же, благодаря своему молодому и шустрому возрасту), то мог вполне остаться без очень нужных частей своего мужского тела. Я просто запустила в его сторону охотничий нож, который по привычке всегда лежал у меня под подушкой. Перебравшись чуть больше года из тайги в «цивилизованный» мир туристической базы, расположенной в горной тайге нашей необъятной Сибири, привычек я своих не оставила. Хотя, казалось бы, здесь они уже были без надобности. Но, это так только казалось. Год назад я попала в такую историю... Из которой с большим трудом выбралась с целой головой и остальными не менее важными конечностями. Встряла я не одна, затащила еще туда и своего соседа и друга Игоря. В общем, выбирались вместе. (Подробно все эти приключения описаны в книге «Ловушка на прошлое») И, поэтому, как бы не убеждала меня моя подруга Ленка, которая, кстати, и привезла меня в эти горы строить для нее ресторан-корабль, в том, что тут «спокойное цивильное место», привычку класть свой охотничий нож под подушку я и здесь не оставила. И считала, что поступаю вполне разумно.

Конечно, сейчас я не схватилась за нож, но зла была неимоверно. Мне казалось, что я и без ножа могла управиться с любым, кто только попадется мен под руку. Подойдя к двери, я ее распахнула на возможную ширину, и, не заботясь о производимом мною эффекте, грозно рыкнула:

– Кому в такое время неймется??!!

От дверей шархнулась тень и жалобный голос проблеял:

– Алексеевна, это я, Гоша...

Я, все еще сурово хмуря брови, уставилась на молодого паренька. Надо сказать, что Гоша у меня работал на стройке, когда, по указаниям своей подруги я начинала здесь строить второй корабль -ресторан. Должна пояснить, что подруга прикупила по случаю в этих местах деревянный корабль, который служил мне сейчас жилищем, можно сказать стал моим вторым домом. Ленка углядела хорошую перспективу этого места, как туристического комплекса. А после того, как я воздвигла при помощи прораба Сергея Сергеевича здесь это грандиозное сооружение, называемое просто «Новый корабль», она уговорила меня остаться и поработать на ее благо, объяснив, что «чужому кому, свое детище не доверит». Так я и осталась жить на корабле, затерянным в горах бескрайней Сибири. Но, честно говоря, я не жалела об этом. Потому как, моим бичом и проблемой всегда была рутина. Так что смена профессионального профиля значительно расширила мой кругозор, и привносила в мою жизнь будоражащее разнообразие.

И теперь перед распахнутыми дверями стоял молодой Гоша, работающий на гидромолоте, и жалобными глазами больного щенка, смотрел на меня, зябко ежась под мелким морозящим апрельским промозглым дождиком. На улице было темно, с реки дул холодный ветер, донося сюда шум незамерзающей по самому центру горной реки. Сильный порыв ветра рванул

полы моего халата, тоже, заставив зябко передернуть плечами после теплой кровати. Я хмуро посмотрела на парнишку и пробурчала:

– Ну, чего замер, как соляной столб. Проходи, нечего дом выстуживать. – Я сделала несколько шагов назад пропуская Гошу внутрь теплой кухни.

Когда он робкой тенью просочился внутрь, я, чуток поборовшись с сильными порывами ветра, захлопнула двери.

– Ну, чего случилось-то? Чего в такую рань шарошишься, добрым людям покоя не даешь???

Конечно, под «добрыми людьми» я подразумевала себя, родимую. Гошка шмыгнул носом, вытер рукавом лицо, и дрожащим голоском замяукал что-то не совсем внятное.

– Понимаешь, Алексеевна, там... В общем, у нас там... Короче, нужно срочно... Иначе, хана... А у тебя машина... В общем, велели мужики... Говорят, беги к Алексеевне, она не откажет.

После этого страстного монолога он замолчал и уставился на меня преданными глазами, в которых светилась надежда на спасение. Правда, какого такого спасения он от меня ждал, я так и не поняла. Окинув парнишку пристальным взглядом, от которого он поежился, словно, все еще стоял под порывистым холодным ветром, я мысленно прикидывала варианты. Орать на него сейчас не было никакого смысла. Он тогда вообще дар речи потеряет. А ласки во мне сейчас не было, хоть убей. Не откуда ей, этой самой ласке, взяться было в такое время. Но, как-то надо было добывать информацию. Иначе, эта песня может затянуться надолго. Тяжело вздохнув, я указала Гошке на стул, и, сдерживая эмоции, проговорила:

– Садись и рассказывай все по порядку. Что там у вас произошло, и какого... – Хлесткое словечко было уже готово сорваться с моих губ, но, я вовремя опомнилась, напомнив себе, что должна быть терпеливой. – И зачем ты ко мне пожаловал.

Гоша отчаянно замотал головой, с испугом косясь на стул, как будто боялся, что тот набросится на него и покусает. Я чуток сдвинула брови на переносице.

– Я кому говорю, садись...! – В голосе послышалось слабое рычание, и Гошка забился в угол у самой двери.

– Алексеевна, я того... Грязный я... натопчу тебе тут...

Нет, я конечно все понимаю, но и у меня нервы не железные и моему терпению может прийти конец. Усилием воли, я бы даже сказала, невероятным усилием воли, я закрыла рот, чтобы не сказать все, что я по этому поводу думаю. Судя по Гошкиному виду, он был готов бежать прямо сейчас. Я сделала два шага вперед, крепко взяла его за руку, почти силой подвела к стулу и усадила. Сама взяла второй стул, уселась напротив и с тяжелым вздохом произнесла.

– Теперь рассказывай все по порядку. Спокойно и с расстановкой. А главное, внятно, чтобы тебя можно было понять.

Гоша посидел немного, ерзая на полированной поверхности, потом, покосился на грязные следы, которые оставили его ботинки на чистом полу, глянул на меня с испугом. Но, встретив мой спокойный и почти доброжелательный взгляд, осознал, что казнить или живьем варить в раскаленном масле я его не собираюсь прямо тут и немедленно, собрался с духом, и начал:

– Ну, в общем так... Вчера вечером Сергеич должен был встретиться с заказчиком. Мы у Юдина, там на горе, котлован начали копать. – И он махнул рукой куда-то себе за спину. Фамилию я эту слышала впервые в жизни, но вопросов задавать не стала, боясь спугнуть Гошкину мысль. Она у него и так была хлипкой и неустойчивой. Со всем возможным вниманием я посмотрела на него, мол, не бойся, парень, сыпь дальше. Ободренный моим спокойным взглядом, Гоша уже более уверенно продолжил. – Ну, так вот... Заказчик, значит этот самый Юдин, должен был ему документы на котлован привезти, ну и аванс, конечно. Ты ж сама понимаешь, что без аванса мы работать то не начнем. Люди всякие попадают. Иной и обмануть может. – Гоша слегка сбился. Чувствовалось, что мысль об авансе слегка увела его в сторону от

основного повествования. А мое терпение совсем почти заканчивалось. Видимо, что-то такое мелькнуло в моем взгляде, потому что, парнишка сильнее заерзал на стуле и начал торопливо говорить, проглатывая окончания слов. – Ну, вот... Он, то есть Сергеич, должен был после встречи к нам в вагончик заехать. – Он опять замолчал на секунду, видимо решая, надо мне пояснить ситуацию с вагончиком или нет. Борьба мысли явно читалась большими буквами на его простоватом и честном лице. Потом, решив, что все-таки надо, принялся объяснять. – Мы теперь домой редко ездим. Заказ срочный. Тут ночуем. Да, и чтобы технику опять же не гонять туда-сюда. А Юдин этот, нам вагончик пригнал и на краю участка поставил. Вагончик хороший, удобный, там и печка есть. Ночью не холодно...

Я покачала головой и предупреждающе проговорила:

– Гоша... – Имя я произнесла медленно нараспев, чем перепугала парня почти до икоты. И он затараторил, как из пулемета.

– Сергеич должен был аванс нам привезти и план показать, где и как копать. Мы его ждали допоздна. А он все не ехал, и не ехал. Ну, понятное дело, мы спать улеглись. Мало ли что могло случиться. Может, заказчик не приехал, или еще чего... А сегодня батя, то есть Петрович, на улицу по малой нужде выскочил, а там...

Гоша опять замолчал. Глаза его расширились от испуга. Он уставился в одну точку, будто увидел что-то страшное. Тут я совсем не выдержала, и во всю силу легких рявкнула:

– Если ты сейчас мне не скажешь, что ТАМ... Я тебя собственноручно, прямо здесь, в этой самой кухне придушу!!!! НУ,,,???!!!

Гошка вздрогнул всем телом, посмотрел с ужасом на меня и прошептал, еле ворочая языком:

– ТАМ Сергеич под вагончиком лежит, весь в крови. У него голова пробита. Но, вроде еще дышит. А у нас машин то нет. Только трактора одни. Вот, батя к тебе и послал. У тебя же машина. Ну, чтобы, значит, Сергеича в больницу, в город...

Он еще что-то говорил, но я его уже не слушала. Рванула обратно в спальню. Быстро скинула пижаму, натянула джинсы и свитер, схватила сумку с документами, и кинулась обратно в кухню. Схватила ключи с крючка у дверей, и скомандовала Гоше:

– Живо давай!!! – Он чуть не грохнулся со стула, запутавшись в собственных ногах. А я, не скрывая злости, прошипела. – Да, шевелись ты...!!!

Выскочив на улицу под холодный и сырой мартовский ветер, кинулась к машине. Слава Богу, она завелась сразу. Открыла пассажирскую дверцу, и махнула несчастному пацану.

– Садись быстрее, дьявол тебя поберет!!

Гоша шарахнулся от машины, как черт от ладана, и заблеял, срывающимся голосом:

– Не-е-е-е... Я лучше пешком...

Я аж зарычала на него.

– Садись, кому говорю!!! Я же не знаю, где этот ваш вагончик! Ну...???!!!

Парнишка залез в машину и постарался отодвинуться от меня подальше. В тесной кабине это было весьма затруднительно. Он забился в угол и там затих, глядя на меня расширенными от страха глазами. Почти не разжимая челюстей, я сквозь зубы проговорила:

– Говори, куда ехать ...

Он, с горем пополам, стал объяснять мне дорогу. Я нажала на педаль газа и машина понеслась, прорезая предутренний сумрак яркими лучами фар.

Глава 2

Поплутав немного по извилистым раскисшим дорогам, побуксовав пару раз в глубоких грязных лужах, мы наконец подъехали к вагончику, сиротливо притулившемуся на краю котлована почти у самого леса. Я развернула машину в обратную сторону, и кинулась к вагончику. Слабый огонек керосиновой лампы трепетал в небольшом окошке. Видимо, электричество к вагончику еще провести не успели. На шум двигателя двери в вагончик распахнулись. На пороге стоял Петрович, Гошкин отец. Завидев меня, несущуюся напрямки по грязи, не разбирая дороги, он замахал руками:

– Сюда, сюда...

Я, перепрыгнув сразу через две ступеньки ворвалась в вагончик. Сергеич лежал на боковой полке. Рядом сидел водитель КамАЗа Саша и осторожно вытирал кровь, сочившуюся тоненькой и коварной струйкой по виску моего бывшего прораба, а в настоящее время, просто друга. Когда я с шумом ввалилась в тесноватый вагончик, Саша поднял на меня испуганные глаза. Я молча с вопросом во взгляде уставилась на мужиков. Заговорил Петрович, он был самый старший, и повидал кое-чего в своей жизни.

– Я его под самым вагончиком нашел. Голова пробита, его машины рядом нету. Кинулся, вроде он живой. Вот, Гошку за тобой и отправил. – Говорил он коротко, отрывисто, только самое существенное.

Я кивнула мужикам головой.

– Несите его в машину...

Саша начал было лепетать что-то по поводу того, что «он весь в грязи и крови, поэтому всю машину мне испачкает». Я глянула на него так, что он шарахнулся от меня в дальний угол. Сцепив зубы, я рывкнула:

– Живо...!!! – Ну, и конечно еще кое-что добавила, для скорости чтоб. Учитывая свой опыт работы в лесу, четко понимала, что без этой самой добавки, ничего не сдвинется с места.

Петрович только крякнул, глянув на меня с уважением. Мужики засуетились. Вытаскивать раненого через узкие двери вагончика было довольно проблемно. Но, они справились. Я уже взялась за дверцу машины, когда Петрович решительно стал забираться в салон, рядом с Сергеичем. При этом, сурово пробурчал, то ли обращаясь ко мне, то ли самому себе.

– Дорога не близкая, а за раненым пригляд нужен.

Я отнеслась с полным одобрением к его инициативе. Решение было правильным и весьма своевременным. Я села в машину, и мы поехали обратно по той же грязи. Но, сейчас мы ехали вниз под горку, что, конечно было намного легче. Когда разбитая гусеницами тракторов, и колесами больших грузовых машин дорога закончилась, моя машина, с облегчением, выскочила на грунтовку. Петрович, сидевший сзади, и поддерживающий голову Сергеича на своих коленях, проговорил:

– Поворачивай влево...

Я чуть притормозила, и глянув на него в зеркало заднего вида, с удивлением спросила:

– Почему, влево? На мост дорога направо...

Петрович хмыкнул.

– Говорю, влево, значит влево. Нам по мосту сейчас не проехать. Со вчерашнего дня работы там идут, к ледоходу готовятся.

Спорить я, конечно, не стала. Не та была ситуация, чтобы вступать в дискуссии. Получалось, что в город так быстро, как планировала, нам не попасть. Дорога в объезд, мало того, что была длиннее километров на тридцать, так еще и грунтовая, то есть, засыпанная довольно крупным щебнем. Тут у здорового человека мозги из головы выпрыгнут, не говоря уже о раненом Сергеиче. И я про себя удивилась мудрости тракториста. Одним предложением он, соб-

ственно, ответил на несколько моих вопросов, которые я планировала ему задать. Например, сам собой отпадал вопрос, почему они сразу не вызвали машину «Скорой помощи». Потому что, скорая помощь из города в объезд не поедет. С этой стороны реки был другой район. А до «нашего» так сказать, района, было километров сто шестьдесят. И Сергеич вряд ли смог ее дожидаться. Во-вторых, мне стало совершенно ясно, что Петрович сел в машину вовсе, не потому что, решил просто прокатиться. На грунтовой дороге его присутствие для Сергея Сергеича было просто жизненно необходимо. У меня остался только один вопрос. И я его задала.

– А вы почему к Игорю Олеговичу не побежали? От вас до него ближе, чем до корабля.

Петрович что-то невнятное пробурчал себе под нос, а потом, чуть громче пояснил.

– Олегович второго дня машину свою на ремонт поставил. У него двигатель снятый стоит.

Я просто молча кивнула. И, почему-то, вспомнила своих мужиков, с которыми работала в тайге. Я не уставала изумляться, и, даже, восхищаться такими людьми. Они жили в самой глубинке Сибири. Да, что там говорить! Не только Сибири. По всем уголкам нашей страны я встречала много таких людей. Основательных, спокойных, уверенно стоящих на своей земле. Было в них во всех что-то общее, делающее похожими один на другого, словно, родных братьев. Когда была помоложе, меня это очень заинтересовало. Как дядя Ваня из-под Рязани, мог так походить по своему характеру на дядю Петю откуда-нибудь из-за Урала? Повзрослев и, походив пешком по земле, я поняла. Они всегда были, есть и будут. Именно про таких людей говорили классики, что они «от сохи», а еще называли их «солью земли». Они живут спокойно, без суеты, без поиска счастья в чужих землях. Они точно знают, зачем пришли в этот мир, и в чем заключается счастье. Они не оторвались от своих корней, они сохранили где-то в глубине себя, порой, даже не осознавая этого, всю генетическую память наших предков. Они никогда не читали Шекспира в подлиннике, или трактатов Ньютона. С ними нельзя было вести утонченных бесед о полотнах Мане или музыке Рахманинова. Но, они всегда видят красоту окружающего их мира, относятся к нему с пониманием и любовью. Именно на таких людях держится весь мир. И, именно благодаря им, нас Господь еще терпит, а не сжег, как Содом и Гоморру. И это внушало определенные надежды на перспективы наших детей и внуков.

Машина прогрохотала по железу моста, мы переехали реку. И все философские рассуждения оставили меня. Пошли населенные пункты. Уже рассвело, и люди спешили на работу. Шли по обочине школьники, шлепая по лужам. Началась асфальтовая дорога. И через несколько километров я стала высматривать впереди поворот, который вел к районной больнице. Мне очень хотелось спросить у Петровича, как там Сергей Сергеич. Но, мне, почему-то, было страшно. Я крутила баранку, внимательно глядя на дорогу.

Наконец мы прибыли на место. Санитары унесли Сергеича. А мы остались ждать в приемном покое, когда его осмотрит врач. Я уже была готова начать грызть от нетерпения собственные ногти, когда к нам вышел сутулый пожилой мужчина в белом халате и такой же шапочке, с уставшими глазами и большими, покрасневшими от постоянных дезинфекций, руками. Мы вскочили и уставились на него в ожидании. Он посмотрел на нас внимательно и сурово спросил:

– Вы что ли его привезли? – мы дружно закивали головами. Он покачал головой. То ли сетуя на несправедливость этого мира, то ли еще по какой другой, неведомой мне причине. – Кто ж его так?

Я сжала зубы. Если он еще задаст мне хоть один вопрос, я точно его стукну. Не было у меня уже никакого терпению!! Хотелось знать срочно, как там Сергеич. Наверное, на моем лице уж слишком явно проступило это мое желание, потому что, усмехнувшись, он проговорил.

– Да, жив ваш товарищ. По голове его, конечно саданули крепко. Но, череп у него выдержал. Сильная ссадина, сотрясение. Несколько дней ему придется полежать. Но, думаю, что через неделю, он будет, как новенький.

Я с облегчением выдохнула. А доктор, посуровел лицом, и продолжил.

– Но, в милицию я сообщить обязан. Травма явно криминального характера. И еще, сейчас к вам выйдет медсестра, запишите все его данные. Документы какие есть?

Я глупо хлопнула на него глазами.

– Чьи документы? – Не иначе, как недосып и волнение сказались на моей умственной деятельности.

Доктор фыркнул.

– Ваши мне пока без надобности, хотя, свои данные тоже оставьте у медсестры. Для милиции надо будет. А меня интересуют его документы.

Я замотала головой.

– Нет, его документов нету. Но, данные мы все продиктуем, конечно.

Доктор кивнул головой и развернувшись, решительным шагом направился вглубь коридора. Мы остались стоять, как потерянные дети, которых взрослые забыли забрать с праздника. Буквально, через одну минуту к нам выпорхнула молодая девчушка в белом халатике. Дело-вито оглядела нас и прочирикала:

– Это вы привезли потерпевшего с травмой головы?

Мы отрицать данного факта не стали. Она достала большую толстую тетрадь, и тщательно занесла все данные на Сергея Сергеевича. Потом, перевернув эту тетрадь другой стороной, спросила наши данные. Решив, что одной меня будет вполне достаточно, я продиктовала свой номер телефона, а также, объяснила, как и где меня можно найти. Девчушка кивнула головой. Хвостик из светлых волос задорно дернулся из-под белой косынки, и она так же стремительно убежала, как и появилась. Постояв еще несколько минут, переминаясь с ноги на ногу, мы нерешительно двинулись на выход.

На базу мы явились, когда низкие серые, набрякшие весенней влагой тучи, слегка разошлись, и позволили ярким солнечным лучам коснуться земли, истерзанной холодом уходящей зимы. Петровича я высадила у перекрестка, метрах в ста от их вагончика. А сама напрямик направилась к Игорю, чтобы рассказать о своих утренних «приключениях», а также обсудить произошедшее.

Мой друг встретил меня радостной улыбкой. Но, увидев мою машину, всю заляпанную грязью, а также мой, не очень бодрый вид, слегка нахмурился.

– Что случилось, Люсь?

В обще-то, меня зовут Людмила. И называть себя «Люсей» я позволяла очень немногим. Но, с некоторых пор, Игорь вошел в круг тех самых «немногих», которым это было позволено. Я разулась на крыльце, потому что, тащить в дом всю эту грязь мне не хотелось. Игорь жил один, но уборкой занимался сам. Никаких «помощниц по дому» он не признавал на дух. Говорил, что не представляет, что кто-то чужой будет трогать его книги, бумаги, дорогие сердцу вещи. И когда я время от времени спрашивала его об этом, с усмешкой отвечал, что это «буржуйские замашки». Посмотрев с отвращением на заляпанные грязью джинсы, я непроизвольно поморщилась. Игорь махнул рукой с легким раздражением:

– Да, перестань, пожалуйста!! Заходи, садись. Ты себя в зеркало видела?

Я опять поморщилась. Терпеть не могу подобных вопросов. Так бы сразу и сказал, что похожа я на чучело огородное, которое пережило проливные осенние дожди и суровые зимние снега. Но, судя по всему, он ждал от меня ответа. Я осторожно, чтобы не испачкать ничего вокруг, опустила на деревянную лавку, и пробурчала.

– А чего я в том зеркале не видела? Ничего нового... – Потом, с легким раздражением пробурчала. – Лучше напои женщину горячим чаем, а я тебе за это страшную сказку расскажу.

Игорь, который, было кинулся к самовару, замер, как вкопанный. Внимательно и строго буравя меня глазами, с мукой в голосе произнес:

– Господи...! Ты опять куда-то вляпалась... Вроде, не виделась всего одну ночь. Когда успела? – Но, несмотря на показное отчаянье, в его вопросе уже проскальзывало любопытство.

Меня так и тянуло, показать ему язык, и сказать, что сам такой. Но, честно говоря, устала я до крайности. Поэтому ограничилась только легкими эмоциями. Закатила глаза и тяжело выдохнула.

– Я никуда не вляпалась... – Потом в задумчивости почесала нос, и уже другим голосом проговорила. – А, может уже и вляпалась, только, пока сама не поняла, куда. – И не откладывая в долгий ящик, и не дожидаясь горячего чая, рассказала ему всю историю с самого начала. Другими словами, от своего пробуждения, и до разговора с врачом в приемном покое районной больницы.

Игорь был хорошим слушателем. Внимательно смотрел на меня, пока я говорила, не перебивая и не вставляя глупых замечаний. Что я особенно ценила в наших отношениях, так это отсутствие лишних и не нужных эмоций. Когда я закончила, он сосредоточено смотрел на меня. Я прихлебнула из кружки чай (которого он мне все-таки налил) и проговорила:

– Сергеич с деньгами был. Мужикам аванс вез. Спиртным от него не пахло. А нашли его: ни денег, ни документов, ни машины. Даже куртки и той не было. Думаю, не сегодня завтра милиция пожалует к нам в гости.

Игорь покивал головой, и задумчиво проговорил:

– Надо бы этого Юдина расспросить, что, да как. – Я вылупилась на него, как будто видела впервые в жизни.

– Ты хочешь сказать, что мы опять полезем... – Я старалась подобрать слово поприличнее. Ничего литературного в голову не приходило, и я выпалила. – Будем опять себе приключений на задницу искать? А не ты ли совсем недавно страдал по поводу того, что я «опять вляпалась»?

Игорь с некоторым испугом посмотрел на меня.

– А ты что, против...?

Мне стало смешно. Я растянула рот в улыбке и промяукала.

– Кто против? Я? – И по слогам проговорила. – Ни-ког-да...!!!

Глава 3

Предсказания мои сбылись буквально на следующий день. И предстали они перед нами в виде знакомого нам по прошлому году следователю Степанову Илье Федоровичу. Судя по тому, что машина его не была заляпана грязью до самой крыши, к мужикам на котлован он еще не ездил. Оно и понятно, координаты то я оставила свои, вот меня и спрашивать будут. Мы с Игорем были на кухне. Он грозился накормить меня каким-то необыкновенным пловом, готовить который он научился, когда побывал в Самарканде, еще в студенческие годы. Навещал там старого друга своих родителей. А я, пытаюсь быть полезной, была на подсобных работах. Чистила лук, морковь и хитро поглядывала на своего друга, который колдовал над чугуном казаном, который не поленился припереть из своего дома.

Раздался стук в дверь. И я ринулась открывать. На пороге стоял Илья Федорович и смотрел на меня грустными глазами. Поздоровавшись, я отступила в сторону, пропуская следователя внутрь теплой кухни, по которой витали запахи зиры, кориандра и еще какой-то хитрой приправы, название которой я выговорить не смогла бы и под страхом смертной казни.

Тяжело опустившись на предложенный мною стул, Илья Федорович с мукой в голосе начал спрашивать:

– Ну, что, голубушка, опять у вас все не слава Богу? Рассказывайте по порядку, что тут у вас случилось. – И он посмотрел на меня так, как будто, это я шарахнула несчастного Сергеича по голове, а вдобавок еще и обокрала.

Стало обидно. Поэтому, от моего приветливого взгляда мало что осталось к тому моменту, когда я начала отвечать.

– А мне вам нечего рассказывать. – Заявила я, ничуть не стараясь скрыть своего ехидного взгляда. – Я только его до больницы довезла. А что там и как, вам лучше из первых уст услышать. Вон, в паре километров вагончик на краю леса стоит. Там бригада сейчас живет, с которой Сергей Сергеевич работает в данный момент. Кстати, план работ и аванс он вез именно им. Вот, они вам все и расскажут. А я что, меня попросили, я и увезла. А больше, знать ничего не знаю.

От такой моей отповеди следователь слегка растерялся. Посмотрел на меня с легким изумлением во взгляде. Прокашлялся, и попросил у Игоря, стоявшего у плиты стакан водички. А меня начала мучить совесть. И правда, чего это я. Ему и так, бедолаге, несладко. Носится по всему району, а возраст то уже... В общем, чай не мальчик. А тут еще я, со своим дурацким характером. Я слегка смягчилась, и, стараясь сгладить неловкость, вызванную своей отповедью, предложила Илье Федоровичу чаю. Он с готовностью согласился, и мир был восстановлен.

За чаем я поведала ему все без утайки. Как Гоша пришел, что я в вагончике увидела, и что мужики рассказали. А в конце своего рассказа, осторожно спросила:

– А как там Сергей Сергеич? Вы же, наверняка, были у него в больнице. А то, мы с утра звоним, а нам отвечают: «Состояние средней тяжести», и трубку кладут. Мы же тут волнуемся.

Степанов посмотрел на меня с легкой хитрецей, и ворчливо проговорил:

– Да, пришел Ваш Сергей Сергеич в себя. Только вот, мне от этого не легче. Рассказать нам он много не может. Говорит, не помнит ничего. Ни как деньги получал, ни где был, ничего, как отрезало. Так что, придется самому все выяснять. И еще... – Он посмотрел на нас пристально, будто решая можно нам доверять или нет. Потом, видимо решил, что можно, проговорил. – У него в крови было найдено средство фенobarбитал. Это из группы барбитуратов. Он не принимал никаких успокаивающих?

Мы отрицательно замотали головами, а Игорь ответил за нас обоих:

– Насколько мы знаем, ничем таким он не пользовался. У него было только одно успокаивающее средство. Это водка. А она, насколько я понимаю, к барбитуратам не относится. Да, и вообще, в последнее время, как говорится, замечен не был.

Илья Федорович в задумчивости покивал головой. А мы с Игорем переглянулись со значением. Степанов, безусловно, наши переглядки заметил. Но, комментировать не стал, и вопросов лишних не задавал. Допив свой чай, поднялся и пошел к двери, тяжело вздыхая, видимо скорбя о несознательных гражданах и о своей нелегкой доле. В самых дверях он оглянулся и проворчал:

– Если что нового узнаете, сообщите. Телефончик мой у вас имеется. – И, уже занеся ногу над порогом, сурово проговорил. – И безо всякой самодеятельности и игры в сыщиков!! Вы меня поняли???

Не знаю ни одного случая из своей жизни, чтобы на вопрос, заданный подобным тоном, кто-то ответил, что нет, мол, не понял. Мы с Игорем исключением не являлись, поэтому дружно закивали головами, что, мол, поняли, поняли, и ни, Боже мой, ни в коем случае. Я для полноты образа даже руку к сердцу приложила. Но, судя по взгляду Ильи Федоровича, он нам не поверил ни на секунду. Тяжело вздохнул, покачал удрученно головой и закрыл за собой дверь.

Я уселась на стул и уставилась на Игоря горящим взором. Он старательно делал вид, что взгляда моего не видит, и с повышенным интересом скреб деревянной ложкой по дну казана, перемешивая жарившееся мясо. Не вытерпев такого невнимания, я грозно спросила:

– Ну...? И что ты думаешь по поводу всего этого?

Он тяжело вздохнул, убавил огонь на плите до минимума, накрыл казан крышкой, и уже только после этого обернулся ко мне.

– Ничего не думаю... – Голос был сердитый. – Сейчас если куда-нибудь полезем, обязательно наткнемся на милицию. А нам оно надо? Поэтому, будем пока сидеть тихо. Опять же, надо хорошенько узнать все об этом Юдине. Кто такой, откуда взялся. Думаю, на этой дорожке с милицией мы пока не встретимся.

Выслушав внимательно друга, я была вынуждена с ним согласиться. Мы продолжили дальнейший процесс приготовления плова. Точнее, его продолжил Игорь. А я сидела рядом, грызла кусок зеленого болгарского перца и рассуждала вслух.

– Не думаю, чтобы этот самый Юдин был заинтересован в том, что случилось с Сергеем. Он же не совсем дурак, я надеюсь. Мужики без денег работать не будут, значит стройка остановится. Да, и без прораба это дело весьма сложное. Особенно без такого, как наш Сергеич. Он же всю округу знает. Кто и чем живет, кто и что может. И его все знают. Нет... Ему такое делать совсем без надобности, если только, он не последний идиот. Но, думается мне, человек, который сумел организовать бизнес и накопить денег для покупки здесь земли и строительства, не может быть идиотом по определению. Сволочью может быть, как, впрочем, и любой другой обычный человек, а идиотом – это вряд ли.

Игорь молча выслушал мои рассуждения, и что-то невнятно промычал. Я решила, что этим он выразил согласие с моими мыслями, и принялась дальше раскручивать логическую цепочку.

– Врагов, чтобы таких ярых, способных на такое, у Сергеича, насколько я знаю в округе не имеется. А, теперь, смотри, что получается. То, что он должен получать деньги в этот день у Юдина, знали мужики из бригады. Но, я не представляю, чтобы кто-то из них мог такое сотворить. Я поработала немного с ними, и немного их узнала. Нет, это я отмечаю сразу. Но, об этом, наверняка, знали и люди из окружения Юдина. Но, туда нам дороги нет. Там пускай копает Степанов. У него и опыт, и возможности, и все полномочия для этого. Но, у меня вопрос. А где машина Сергеича? Представить, что кто-то соблазнился его потрепанными «Жигулями»,

на это моей фантазии не хватает. Да, и думаю, что сумма аванса не такая уж и огромная была, чтобы кто-то из серьезных людей соблазнился.

Игорь задумчиво проговорил:

– А с чего ты взяла, что тот, кто Сергеича по голове приласкал, серьезный человек?

Подобного вопроса я от него ждала, и довольно хмыкнув, проговорила.

– Одно дело мужика по башке шваркнуть и деньги забрать. Но, совсем другое, применение этих самых барбитуратов, чтоб им провалиться! Зачем такие сложности? И почему его просто не убить (тьфу-тьфу-тьфу, я постучала костяшками пальцев по деревянному столу)? Я, конечно, не желаю этого никому, особенно, нашему Сергеичу, но, согласись, было бы намного проще. А его, не просто шваркнули по голове, его еще не поленились и под вагончик мужикам подсунуть, чтобы обнаружили быстро. – Я замолчала, задумавшись. От всех этих мыслей у меня уже мозги закипали.

А потом, я никак не могла отделаться от мысли, что это может связано с той тайной, в которую мы с Игорем влезли в прошлое наше приключение. Хотя, связать все это пока не могла. Ума не хватало. Но, оставалась еще моя интуиция, которой я доверяла безоговорочно.

Глава 4

Плов получился отменный. Мы с Игорем пообедали, попили чая, и он заторопился к себе домой. Потому как, нужные контакты и связи у него были записаны, по старинке, в блокнот, а вовсе не в электронную память телефона, которому он не доверял до конца. Он собирався выяснить об этом загадочном Юдине все, что только возможно. На его предложение, пойти вместе с ним, я отказалась. Нужно было привести в порядок кухню. После приготовления плова Игорем, там как будто пробежалась конница Мамая. А потом, я решила поставить сегодня тесто, вечером напечь пирогов, а завтра с утра проведать Сергеича в больнице. Память у него отшибло, но, я надеялась, что аппетит он сохранил невредимым. Мы расстались с Игорем на пороге, и он пообещал мне, что как только... Так он сразу даст мне знать. На том и распрощались.

Я, засучив рукава, принялась за работу. К концу дня я так разошлась, что, незаметно для себя самой, выдраила весь корабль. Пироги стояли в духовке и издавали невозможно одуряющий аромат печева. Но, за всеми этими делами меня не покидала одна и та же мысль. Надо встретиться с Хранителями и обо всем им рассказать. Может, это и не имеет никакого отношения к той тайне, которую они хранят, но, как говорится, береженого Бог бережет. (Подробнее читайте в книге первой «Ловушка на тайну»)

Вытащив пироги из духовки и накрыв их чистым льняным полотенцем, я собралась посетить конюшню. Именно там обитали известные мне Хранители, Виктор, работающий конюхом, и его отец Федор, который считался у всей округи немым. Но, на самом деле, немым вовсе не был. И говорил бойчее, чем многие из тех, кто считал его немым. Эту тайну, и тайну подземелий, в которых хранились старинные книги, в которых была вся древняя история нашей земли и предков, мы поклялись с Игорем хранить ценой своих жизней. И сейчас, когда такое произошло с нашим другом, Сергеем Сергеевичем, я, как та пуганная ворона, которая и от куста шарается, почитала своим долгом обо всем рассказать Хранителям. Мало ли... В общем, собрав в небольшую корзинку горячих пирожков, я собралась отправиться на конюшню. Игорю я о своих мыслях ничего не сказала. Да, собственно, и говорить было особо не о чем. Только одна интуиция и была. А ее, как известно, к делу не пришьешь. Поэтому, я решила, что вполне могу проведать Федора с Виктором одна. Опять же, старика пирогами побалую. Машину решила не брать. Ну, во-первых, дорога на конюшню проходила недалеко от дома Игоря. И он сразу меня засечет. А, во-вторых, не хотелось мне мою машину гонять по раскисшей грязной дороге, да еще и в горку. Решила, что мне будет полезно прогуляться пешком. Расстояние было небольшим, всего километра три – четыре. Правда, погода совсем не была весенней, несмотря на начало апреля. Мокрые серые облака плыли низко над землей, цепляясь за вершины гор, одетых в ледниковые шапки. С реки веяло холодом. Даже птицы не пели, а сидели, нахохлившись на ветках, будто в ожидании какого-то сюрприза от капризной погоды. Но я решила, что прогулка на свежем воздухе должна будет поспособствовать моему мыслительному процессу.

Я уже собиралась открыть дверь, когда зазвонил мой телефон. Я достала его из кармана куртки и глянула на дисплей. Так и есть, Игорь. Наверное, это судьба. Я нажала на кнопку ответа. Из трубки послышался возбужденный и какой-то, я бы даже сказала, веселый голос моего друга. Не иначе, чего-то нарыл. Я навестила уши.

– Ты чем сейчас занимаешься? – Спросил мой друг, как видно, пытаюсь соблюсти светский этикет.

Я поморщилась. Нехорошо обманывать друзей. Но, я поспешила себя уверить, что я не обманывала, а просто хотела что-то предпринять втихаря. Хотя и это, тоже, было неправильно. Поэтому, бодрым голосом, но с ноткой смущения, я отпартовала.

– Вот, закончила с уборкой, пирогов напекла и к тебе собралась.

В трубке довольно хрюкнуло, и опять прозвучал голос Игоря.

– Класс!! Как раз вовремя. Давай, я тебя жду. Чайник сейчас поставлю. Я тут кое-что накопал. В общем, давай быстрее... – И отключился.

Я вернулась на кухню, добавила в корзинку пирогов, опять накрыла их полотенцем, и решительно направилась в сторону дома Игоря. Игорь встретил меня на крыльце радушной улыбкой. Его огромный кот Соломон поприветствовал меня громким мяуканьем. Потом принюхался, поднялся на задние лапы и деликатно дотронулся до края корзинки передней лапкой. Потом опять мяукнул, предлагая мне угостить его пирогом. Имя, которое он носил, вполне соответствовало ему. Он был также мудр, как и его древний тезка. Иногда мне даже казалось, что еще немного, и я услышу от кота человеческую речь. Я вытащила из корзинки пирожок, разломил его, присела на корточки и предложила угощение коту. Он осторожно взял из моих рук кусочек и поволок его в свой угол, где стояла его миска, и принялся неторопливо, со всем своим кошачьим достоинством, есть.

Игорь смотрел на эту картину с умилением и гордостью родителя, взирающего на свое, не по годам умное чадо. Я прошла на кухню, поставила корзинку на стол, и принялась выкладывать еще теплые пирожки в тарелку. Игорь обратил внимание, что в корзинке много пирогов, и спросил, чуть игриво, приобняв меня за плечи.

– Ты хочешь, чтобы я все это съел и лопнул?

Я глянула на него с недоумением.

– Это, не все пироги тебе. Я еще хотела Федора угостить. Ты же помнишь, он пироги любит. – Я сделала вид, что это было что-то само собой разумеющееся, угощать Федора пирогами.

Как и следовало ожидать, Игоря это насторожило. После окончания нашего приключения в подземелье, мы так ни разу и не встречались больше с Хранителями. Даже, когда приходили на конюшню, чтобы взять лошадей для прогулки, нас там встречал молодой парнишка, то ли сын Виктора, то ли просто помощник. Хотя, думалось мне, что постороннего и непосвященного человека, Федор вряд ли приблизил к себе. А тут, я решила вдруг, ни с того, ни с сего, угощать Федора пирогами. Конечно, его это просто не могло не насторожить. Он посмотрел на меня внимательно. Всю игривость, как корова языком слизала. Игорь развернул меня лицом к себе, и серьезно сказал:

– Садись. Рассказывай. – И все. Никаких тебе «почему» и «зачем».

Я жалобно посмотрела на него снизу вверх, и промяукала:

– Может, чаю нальешь? – Мне надо было несколько минут, чтобы собраться с мыслями.

Игорь загремел чашками и вскоре, поставил передо мной чашку с ароматным чаем. Потом, секунду подумал, налил чаю себе тоже, и его рука потянулась за пирожком. Я про себя довольно хмыкнула. Это был хороший знак. Нет, все-таки, была права моя бабушка, когда говорила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Слегка приободрившись, я поведала ему все свои мысли и сомнения. В конце своей речи, я проговорила:

– Понимаешь, уж больно все нелогично с Сергеичем получается. Ну, слишком уж сложно для простого ограбления. Если его накачали этими барбитуратами так, что он ничего вообще не помнит, кроме своего имени, то зачем его было по голове-то лупить?

Игорь серьезно посмотрел на меня.

– Ну, и зачем, по-твоему...?

Вдохновленная его вниманием, я с жаром проговорила:

– Да, чтобы у всех сложилось мнение, что это было банальное ограбление! Ведь, убивать то его не хотели. Потому как, если бы хотели, то не подбросили к вагончику. Да, и машина эта его... Ну, сам посуди, кому оно надо, это чудилище, еще Советского автопрома? – Я посмотрела на Игоря, чтобы понять, как мои слова на него подействовали. Он сидел, задумчиво теребя пальцами свою аккуратную бороду. Верный признак серьезных размышлений. И я продолжила

выкладывать ему свои аргументы. – Вот, теперь и подумай... На фоне всей той информации, что нам известно, все это выглядит уж очень подозрительно. Поэтому я и решила, что Хранителям надо об этом знать.

Игорь поднял на меня свои глаза, блеснувшие из-за очков стальным цветом. Вообще-то, они у него серые. Но, их цвет, как ни странно, зависит не от освещения, а от его настроения. Причем, их диапазон может меняться от темно-зеленого, до почти небесно-голубого. И сейчас, судя по всему, он был очень озадачен, и, я бы сказала, взволнован.

– А с чего ты решила, что это происшествие имеет отношение к ... Хранителям. Каким боком-то наш Сергеич к этой истории? Он ведь даже не знал, что мы с тобой трое суток под землей лазили. Мы же ему сказали, что произошел завал, и, что возможности залезть в этот схрон у нас не было. Даже когда по округе поползли слухи о пропаже Мезенцева и его охраны, он и тогда ничего не заподозрил. Хотя, должен сказать, что временами ловил на себе его недоверчивые взгляды. – Я нахмурилась при его последних словах. Воспоминание об этом до сих пор отдавались какой-то ноющей болью в моей душе.

И я подозревала, что забыть я об этом не смогу до конца своих дней. Усилием воли, я выдернула себя из этих мрачных мыслей о прошлом, и неуверенно проговорила.

– Не знаю, Игорь. Может, конечно, это совсем тут и не при чем, а может и при чем. Но, в данной ситуации, я думаю, лишним не будет. Что-то мне подсказывает, что я права, и все это связано.

Игорь опять посмотрел на меня задумчиво, и просто кивнул головой.

– Ну, что ж... Я думаю, хуже не будет. Давай, попьем чаю, я тебе все расскажу, что сумел узнать. А потом, прогуляемся до конюшни.

На том и порешили. Я, сделав несколько глотков из своей кружки, терпеливо ждала, когда Игорь насытится. Тем более, что пироги надо есть теплыми. Дожевав третий пирог, он глотнул чаю и блаженно закрыл глаза, а потом промурлыкал, очень мне напоминая в этот момент своего кота Соломона:

– Ты – кудесница... Такие пироги мне пекла только моя бабушка в далеком детстве, когда родители не могли взять меня в экспедицию, и им приходилось увозить меня к бабуле в деревню.

Я слегка засмушалась от его комплимента, ответив скромной улыбкой, спокойной и тихой, как вечерняя заря. Потом, весело фыркнула.

– Ну, все. Все формальности этикета соблюдены, теперь можешь рассказывать.

Игорь сразу посерьезнел.

– Ну слушай. Юдин Кирилл Захарович, бизнесмен, проще говоря, предприниматель. Начинал свою трудовую деятельность в секретарях райкома комсомола. Во времена перестройки, как и большинство райкомовских деятелей, очень быстро перестроился. Уже через несколько лет выбился в первую десятку самых богатых людей нашего края. Потом, после одного громкого скандала с приватизацией одного из ведущих заводов, на некоторое время пропал с горизонта. И появился через несколько лет, буквально, как птица Феникс, возродившийся из пепла. Но, уже не один, а в компании, кого бы ты думала...?

Я ответила, почти не задумываясь:

– В компании с Мезенцевым Александром Ивановичем.

Игорь радостно выпалил:

– Точно!! – Потом нахмурился, и недоверчиво спросил. – Постой, а откуда ты знаешь? Ты что, и раньше знала?

Я поспешила его успокоить.

– Ничего я не знала. Просто, сопоставила все факты, плюс твою загадочность и скрытое ликование, и сделала единственный вывод из всего этого. – Игорь только головой покачал, выражая этим жестом свое удивление.

– Ну, ты мать, даешь! Да, тебе не на корабле сидеть надо, а идти в аналитический отдел нашей разведки работать. Они не знают, какое счастье их минуло. – С коротким смешком добавил он.

Мне не хотелось вступать в длительную дискуссию по этому поводу, поэтому, я только махнула рукой, и нетерпеливо проговорила:

– Хватит... Мои способности мы обсудим как-нибудь в другой раз. А сейчас, лучше, рассказывай дальше.

Игорь сразу посерьезнел:

– А дальше начинаются какие-то непонятки. Вроде бы, пути их расходятся. Но, они продолжают регулярно встречаться. Хотя, казалось, никаких особых совместных интересов у них и не было. Мезенцев оставляет свой бизнес на управляющего, который является по совместительству его дальним родственником по матери, и уезжает сюда, в нашу глухомань. Ну, теперь-то, побудительные причины нам известны. Но сейчас, после того, как он пропал, хозяйство, вроде как, осталось бесхозное. На его предприятия нагрянули проверки, и оказалось, что у него, по сути, ничего уже не осталось. Все давно принадлежит банку. Он заложил все что мог, и вложил все деньги сюда, в Рябиновую долину. Другими словами, все его имущество пошло с молотка. А здешние уголья выставляют на аукцион. И представь себе, одним из первых претендентом на эту его базу является...

Тут я перебила его и закончила фразу:

– ... Юдин Кирилл Захарович...

Игорь только фыркнул.

– С тобой совсем не интересно. Никаких тебе сюрпризов не устроишь. Что, опять скажешь, логика.

Я похлопала его по плечу и с улыбкой проговорила:

– Она, родимая...

Глава 5

Мы, скользя по мокрому снегу, смешанному с грязью, царапались по склону. Конюшня уже была видна. Загоны, такие радостные и зеленые летом, сейчас выглядели мрачно и неприятно, под низким хмурым небом, покрытые оседающим сероватым снегом. Даже собака в этот раз нас не выскочила встречать. Но, в окне домика, в котором жил Виктор, светился огонек, а из трубы шел дым, разнося по округе горьковатый привкус горящих березовых дров.

После того, как мы очистили кое-как у крыльца нашу обувь от грязи, Игорь постучал в дверь. Послышался скрип половиц, и двери распахнулись. На пороге стоял Виктор, и без особой приязни молча смотрел на нас из-под нахмуренных бровей. Мы поздоровались, а Игорь просто сказал:

– Есть разговор...

Виктор все еще смотрел на нас, не собираясь пропускать нас внутрь избы. Взгляд его стал каким-то настороженным и колючим. И тут, откуда-то из глубины дома раздался знакомый, чуть скрипучий голос.

– Впусти их...

Конюх неохотно отступил назад, давая нам дорогу. Мы шагнули внутрь и оказались на небольшой кухне. На лавке сидел Федор и внимательно смотрел на нас.

– Ну, с чем пожаловали? – Голос звучал совсем не ласково.

Не то, чтобы я ожидала душевного приема, или распростертых объятий. Вовсе нет. Но, простого человеческого отношения, я думала, мы были вправе ждать. Игорь, совершенно растерявшийся от такого сурового приема, переминался с ноги на ногу у самого порога, не зная, как начать разговор. А меня, это все, почему-то, задело за живое. Сделав решительный шаг к столу, я поставила на него свою корзинку с пирогами, и начала их выкладывать. Потом забрала свое опустевшее имущество со сложенным внутри полотенцем, и направилась к двери. Скрипучий голос Федора остановил меня.

– Постой...

Я обернулась, глаза мои пылали от гнева. Я заговорила тихим голосом, как обычно я говорила со своими мужиками в лесу, когда была зла без меры.

– Я не знаю как у вас, А, у нас, простых смертных, не принято встречать людей, пришедших с добром, словно лютых врагов. Мы, конечно, не претендуем на все знания истины, которыми обладаете вы, но, мне кажется, что простое человеческое отношение мы заслужили. И, еще, хочу обратить ваше внимание на то, что мы по этой хляби пришли не просто, чтобы напроситься к вам на чай. – Затем, я обратилась к Игорю. – Пойдем отсюда. Сами во всем разберемся!

Федор вздохнул тяжело, и уставшим голосом произнес:

– Ты права, а мы – нет. Годы строгой изоляции сказываются на нас. Мы привыкли не ждать ничего хорошего от внешнего мира. Поэтому, вы должны простить нас. Присядьте, и расскажите с чем вы пожаловали.

Конечно, его слова немного остудили мой пыл, но негодование от подобной встречи все еще прорывалось в моем голосе, когда я, не удержавшись от ехидства, проговорила:

– Мы вам пирогов свежих принесли...

И тут, раздался веселый смех. Я никак не ожидала услышать его от Виктора. А он, продолжая веселиться, проговорил, обращаясь к своему отцу.

– А она кусачая, как ты и говорил... – И, потом, обращаясь уже к нам, как будто, ничего и не было, проговорил. – Садитесь к столу. Сейчас чай будем пить.

Мы уселись на лавку, а Виктор принялся выставлять на стол разномастные чашки, вазочку с медом, деревянную плетенку с пряниками. Я все еще слегка пыхтела, как остываю-

щий самовар, и к угощениям не притрагивалась. А Игорь, сделав пару глотков из своей чашки, начал рассказывать о произошедших у нас событиях.

Мужчины слушали молча, сурово хмурясь и, временами переглядываясь между собой. Когда, Игорь закончил, в маленькой комнате повисла тишина, нарушаемая только звуком потрескивающих в печи дров. Не выдержав этого молчания, я нерешительно заговорила:

– Конечно, все это может не иметь ни малейшего отношения к вам. Но, мне показалось, что мы должны вам об этом рассказать.

Федор пытливо посмотрел на меня, и задал вопрос:

– А почему ты решила, что мы должны об этом знать?

Я пожала плечами.

– Не знаю... Но, я думаю, что это может иметь непосредственное отношение к той тайне, которую вы храните. – И совсем смутившись, добавила. – Просто, я так чувствую. Простите, если потревожили напрасно.

Виктор что-то хотел сказать, и уже, было, открыл рот, но Федор глянул на него сурово, и тот замолчал.

– Спасибо, что сообщили нам обо всем. Мы должны подумать. Чуть позже, мы с вами свяжемся. Вы принесли нам тревожные вести. Но, тот кто предупрежден, тот вооружен. – И совсем неожиданно, Федор вдруг подмигнул нам.

Я, от такой неожиданной разухабистости, слегка обалдела, совершенно не ожидая такого от старика. Это как-то не вязалось с тем образом и характером, который я себе нарисовала в уме, когда думала о Федоре. А Виктор, глядя на мою растерянную, вытянувшуюся физиономию, сдержано улыбнулся. Первым в себя пришел Игорь. Он взял меня за руку и стал подниматься со скамьи, на которой сидел.

– Ну, тогда, мы пойдем. Мы сделали все, за чем пришли. На улице начинается дождь, а нам еще до дому добраться надо. Спасибо за чай.

И он, потянув меня за собой, направился к двери. Я обернулась, чтобы попрощаться. Нам в ответ, вполне дружелюбно прозвучало скупое «Господь с вами», и на этом аудиенция была закончена. Вдохнуть полной грудью я смогла только на улице. Игорь оказался прав, в отличие местной метеостанции. Опять накрапывал нудный и холодный моросящий дождик. Я натянула на голову капюшон от куртки, а мой друг довольно пробурчал:

– Снегод...

Я непонимающе уставилась на него.

– Ты о чем...?

Он улыбнулся и менторским тоном проговорил:

– Такой дождь в начале весны «снегодом» называют. Он, вроде бы холодный, нудный, но очень быстро весь снег «съедает». Если несколько дней пойдет, то снега и вовсе уже не останется.

Я ехидно усмехнулась:

– Какой широкий диапазон твоих познаний! Не устаю удивляться!!

Игорь, вроде бы, собрался обидеться, но потом, глянув на мою смеющуюся физиономию, улыбнулся сам и махнул рукой.

– Да, ну, тебя совсем!!

Мы спустились с горы, поддерживая друг друга на особенно скользких участках дороги, и как по уговору, болтали о чем угодно, только не о том, о чем думали. Конечно, я не думала всерьез, что за каждым кустом сидит враг и слушает наши разговоры, тем более в такую промозглую погоду. Но... Кто его, этого врага, знает? Пока, в моих мыслях очертания неприятеля вырисовывались весьма смутно. И все чаще в моих думах мелькала фамилия «Юдин». С какой-то обреченностью и отчаянием, я подумала, что нам тут только второго Мезенцева не хватает!

Называется, жили, жили, не тужили... А тут, на, тебе!! Сюрприз...!! Как говаривал Максимыч, мой мастер в лесу.

Стоило мне только подумать про лес, как навалилась тоска. Я уже, почти два года, как здесь живу. А все равно, тянет обратно, в тайгу. Там было все проще и понятней. Безо всяких тебе ритуальных приседаний и словесных жонглирований. Хотя, конечно, свои прелести есть везде. Опять же, здесь мы познакомились с Игорем. Его живой ум, равнодушие к окружающему миру, а также, глубокие знания истории, этимологии, и еще кучи разных разностей, делало его великолепным, интересным собеседником. К тому же, он оказался настоящим другом, на которого можно было положиться в трудную минуту. Правда, последнее время, в наших отношениях пробежала, словно искра, что-то такое, этакое, чему я пока не могла дать ни названия, ни оценки. Сильно над этим голову я не ломала, решив, что, как говорят бывалые шоферы, «хороший стук сам наружу выйдет».

А пока, мы пробирались впотьмах, подсвечивая себе дорогу фонарем, который догадался захватить с собой мой предусмотрительный друг, и вели ничего не значащий разговор. Когда мы добрались до дома Игоря, ночь уже была беспросветной. Такие ночи бывают только поздней осенью, когда лес стоит голый, без листвы, или ранней весной, как сейчас. И про них обычно говорят, «хоть глаз выколи». Именно в такие ночи на реках начинается ледоход. Мы остановились у калитки. Игорь неуверенно спросил:

– Может зайдешь? Чайку попьем, все обсудим...

Я с сожалением помотала головой.

– Спасибо, я пойду. Денек был еще тот. А после такой прогулки в баню хочется и на боковую. Мы с тобой завтра с утра встречаемся, к Сергеичу хотели съездить. Ты не забыл?

Он усмехнулся уголками губ, и похлопал осторожно меня по плечу.

– Не забыл, не волнуйся. – Потом добавил. – Хочешь, я тебя провожу?

Я только про себя вздохнула. Странно, однако. В критических ситуациях он становится жестким и решения принимает быстро. А в обычной жизни, робеет, как мальчишка. Хотя, эти, казалось бы, несовместимые моменты в его характере, мне очень нравились. Отвечать унылым голосом: «Ну, проводи...», я не стала. Просто, спокойно проговорила:

– Не стоит, дорогой. Завтра рано вставать. А у тебя вон все ноги промокли. Еще простудиться не хватает... Ступай домой. Мне тут три шага до корабля осталось. Надеюсь, никто не утащит. – Попробовала я пошутить на прощанье.

Я уже собиралась уходить, когда он вдруг, спросил чуть охрипшим голосом.

– А это правда?

Я с недоумением посмотрела на него.

– Что именно? – Я даже не поняла, к чему относился его вопрос.

Он насупился и опустил голову. Ну, ни дать, ни взять, молодой упертый бычок.

– Ты сказала: «Не стоит, ДОРОГОЙ». Я правда тебе дорог?

Я постаралась скрыть улыбку и ответила, как можно серьезнее.

– Конечно. Ты мне дорог. Тебя это удивляет?

Он отчаянно замотал головой, собираясь еще что-то сказать. Но, затевать диспут на улице о наших с ним отношениях, когда у обоих в обуви хлупает холодная вода, я посчитала каким-то глупым, что ли. Мы что, малолетние дети? Я обратилась к Игорю, вложив в голос максимум расположения и доброжелательности.

– Послушай, я устала, как собачонка после загона зверя. К тому же мы оба промокли. Хочется в тепло, и в постель. У нас с тобой будет еще масса времени поговорить на любые темы. Только, давай завтра. Хорошо? Прости, у меня уже нет никаких сил. Только не обижайся, ладно? – Я заглянула ему в глаза.

Он тяжело вздохнул и как-то обреченно кивнул головой. Я, торопливо чмокнула его в щеку, и заспешила в сторону корабля. А в след мне летело его радостное: «До завтра, Люся!!!»

Подходя к кораблю, я совсем утратила всяческое внимание к дороге, и, споткнувшись о какую-то выбоину в асфальте, чуть не открыла калитку лбом. Это привело меня в чувство после лирического настроения, возникшего во время прощания с Игорем. И тут, я заметила фигуру мужчины, отиравшегося возле моей машины. Я внутренне напряглась, но, тут же расслабилась, узнав в подошедшем Сашу, водителя КамАЗа. Выдохнув с явным облегчением, я пробурчала на его приветствие:

– Здравствуй, Саша. Чего тебя в такое время носит здесь, да еще в такую погоду? Случилось чего?

Он как-то затравлено огляделся, будто, из-за любого куста ожидал внезапного нападения врагов.

– Меня Петрович прислал...

Я его перебила.

– Саша, пойдем в дом. Чего под дождем мокнуть?

Развернувшись и пошлепала по лужам ко входу, уже не выбирая сухой дороги по одной причине. Ее уже не было. А в моих ботинках тоже хлюпало, так что мне было уже без разницы, где идти, лишь бы быстрее попасть в сухое тепло дома.

Саша за мной трусил резвой рысью, не переставая оглядываться. Было такое чувство, что он уходил от погони. Только, кто за ним гнался и по какой причине, я выяснять не стала. Стянув с ног мокрую обувь, я включила чайник и прошла в хозяйственный отсек корабля, чтобы включить баню. И только потом, вернулась в кухню и спросила, жевавшего пироги, Сашу.

– Ну, выкладывай, что опять у вас стряслось, что до завтра подождать не могло?

Сашка кое-как проглотил большой кусок пирога, и извиняющимся тоном произнес:

– Вкусно... – Я милостиво махнула рукой, мол ешь, не стесняйся. Но, все же, продолжала вопросительно смотреть на него, ожидая ответа. Сделав внушительный глоток чая из кружки, он заговорил. – Ну, в общем так. Отвозил я сегодня грунт из котлована. Нам сейчас отвели специальное место, куда мы должны все это возить. И оно, это место, отсюда километров шесть будет, аж за горой. Называется оно «старый карьер». Там когда-то давно щебень брали на строительство дороги. Но, он стоит заброшенный уже много лет. Там все края карьера уже молодыми деревцами заросли. Так вот, кузов я опрокинул, и уже обратно ехать собрался. Глядь, а невдалеке огонь горит, и дым черный валит. Ну, ты ж, Алексеевна, понимаешь, любопытно мне стало. – Я с серьезной физиономией покивала головой, мол, само собой, понимаю. А, довольный моим вниманием Сашка, продолжил. – Подъезжаю я значит поближе. А там дорога кончается. Я-то машину на обочине оставил, а дальше пешком. Идти пришлось недалеко, метров триста всего. А там... – Он сделал эффектную паузу, а мне захотелось стукнуть его по голове. – Там, «Жигули» Сергеича догорают... Кто-то их в карьер скинул и поджог. Хотя, может они и сами загорелись, если бензобак взорвался. Только все это, уж больно подозрительно... – Торжественным шепотом закончил он.

Глава 6

Я, сделав озабоченное выражение лица, почесала нос. Надо было как-то обозначить серьезность момента, чтобы не разочаровывать Сашу. А он закончил свою речь торжественно:

– Вот, Петрович и велел бежать к тебе и все рассказать. Сказал, что Алексеевна должна, мол, знать об этом факте. – И его рука потянулась за очередным пирогом.

Я стала его благодарить. И в своих выражениях, надо сказать не поскупилась. В общем, дала понять, что информация очень важная и интересная. Довольный Саша встал, дожевывая на ходу пирог, и проговорил не очень внятно из-за того, что рот его был занят этим самым пирогом.

– Ну, я тогда пошел. А то, мужики ждут. – И протянул мне руку для пожатия.

Я крепко, по-мужски пожала его протянутую ладонь. Потом, спохватившись, торопливо проговорила:

– Погоди... Возьми пирогов, мужиков угостишь.

Быстро завернула угощение в пакет и протянула Саше. Сдержанно поблагодарив, он, наконец вышел за двери. А я схватилась за телефон. Звонила я, конечно, Игорю. Сообщив ему о находке, задумчиво проговорила:

– Надо бы Степанова известить. Но, мне хочется сначала самой поглядеть на эту машину.

В трубке телефона на другом конце повисло молчание. Потом, раздалось сдержанное покашливание и голос Игоря произнес:

– А что ты там хочешь обнаружить? Машина сгорела. Понятно, что кто-то следы замечает.

Ответа на его вопрос я и сама толком не знала. Понимала только, что мне зачем-то это было нужно. Чтобы что-то ответить, я пробурчала:

– Так вот... Может эти самые следы и хочу поискать, которые замечают. Может, не все еще успели замести... Ладно, давай до завтра. Я сейчас в баню, и спать. Утро вечера мудренее.

Простившись с Игорем, я закрыла на ключ все двери, и отправилась в баню. Уже лежа в кровати в темной спальне, я подумала, что все равно, надо посмотреть, что там с этой машиной. На этом все мои раздумья и закончились, и я провалилась в сон.

Снилось мне неведь что. Какие-то собаки, крысы, непонятные рожи и погони. В общем, когда прозвенел будильник, я открыла глаза, и с облегчением поняла, что это был сон. Быстро вскочила, сбегала в душ. Оделась, собрала передачку в больницу для Сергеича, схватила ключи и вышла на улицу.

Было еще очень рано. Солнце еще не встало, и тяжелые ленты серого тумана, напоминающие слоистый пирог, ползли со стороны реки. Судя по всему, моросящий дождик «снегоед», как назвал его Игорь, шел всю ночь. Потому что, снега уже почти совсем не осталось. По крайней мере, на открытых участках его не было. Река шумела надсадно, преодолевая ледяные оковы зимы, стараясь взломать их и вырваться на свободу. Я плюхнулась в машину, подождала пока она немного прогреется, и аккуратно вырулила в открытые ворота с территории корабля.

Доехав до развилки дорог, откуда был поворот к дому Игоря, я слегка притормозила. И через мгновение, вывернув руль вправо, поехала в сторону старого карьера. Не могу сказать, что это было каким-то взвешенным решением. Скорее, это можно было назвать минутным порывом. Упряма я была до невозможности. И уж, коли, мне чего втемяшивалось в голову, избавиться от этого не было никакой возможности. А тратить время на споры, приводить веские аргументы (к слову сказать, которых у меня и вовсе не было), не было у меня ни малейшего желания. Времени еще было вполне достаточно. Мы особо никуда не опаздывали, поэтому я решила, что вполне успею все как следует осмотреть. Если ничего не обнаружу, то и сообщать о своей поездке незачем. А если обнаружу... Короче, война план покажет.

Я доехала до места, где накатанная щебеночная дорога заканчивалась. Дальше шла старая дорога на карьер, уже порядком заросшая молодыми деревцами и кустарником акации. По рассказам Саши, именно здесь он оставил машину, и отправился дальше пешком. Развернув свой автомобиль, я вышла, и вскоре увидела следы КамАЗа. Не раздумывая долго, отправилась по заросшей дороге в сторону заброшенного карьера.

Несчастные «Жигули» Сергеича лежали почти на самом дне, и вид имели весьма жалкий. Сверху было трудно как следует все осмотреть. И я стала осторожно спускаться по склону, цепляясь за ветки молодых березок. Оказавшись рядом с «Жигулями», я принялась их внимательно осматривать. Кто-то, не особо стараясь, видимо облил салон бензином, а затем, поджег. Когда машина загорелась, ее просто столкнули вниз, в надежде, что огонь сделает свое дело. Судя по помятой, будто пожеванной кабине, машина несколько раз перевернулась, а потом снова встала на колеса. По склону карьера кое-где все еще были довольно большие сугробы сероватого снега. Вот, в один из таких сугробов, «Жигули» и угодили. Салон, конечно, весь выгорел дотла, но, до задней части машины огонь так и не добрался.

Замок на багажнике заело, и он никак не желал раскрываться. Не особо мудрствуя, я подобрала довольно увесистый булыжник, и в несколько ударов решила эту проблему. При этом, я мысленно попросила у Сергеича прощения за то, что так не вежливо обошлась с его ласточкой. Хотя, снявши голову, по волосам не плачут. В багажнике, конечно, все было перевернуто. Инструменты, какие-то тряпки, старая рабочая куртка, все это составляло одну большую кучу. Но, мои старания не были напрасными. В самом дальнем углу валялся черный пластиковый пакет. Я достала его, и осторожно развернула. Увиденное нисколько, почему-то, меня не удивило. В пакете лежала папка с бумагами, и несколько ровных пачек денег в банковской упаковке. А вот вам, и аванс, который получил Сергеич для рабочих. Я довольно хмыкнула. Теперь речи об ограблении быть не может, от слова «совсем».

Прикрыв багажник, положив для надежности сверху тот самый булыжник, который послужил универсальным ключом, и, прихватив пакет с собой, я стала выбираться наверх. Буквально, через десять минут, я стояла рядом с домом Игоря. Видимо, услышав звук подъезжающего автомобиля, он вышел встречать меня на крыльцо. Пока я шла по дорожке к дому, я пыталась лихорадочно сообразить. Он видел с какой стороны я приехала, или можно еще немного повалять дурака? Этот вопрос решил сам собой, когда я увидела его сердитую физиономию. Приняв покаянный вид, я сбавила шаг, и уже на подходах к крыльцу заунывно стала канючить.

– Ну, прости... Не утерпела... Ты же знаешь, пол ночи не спала, все думала, как там, да чего. Ну, вот, с утра и не выдержала... – Старалась я из всех сил выжать из себя слезу.

Со слезой вышла неувязочка. Не хотела она никак выжиматься, и все тут! Я решила это компенсировать выразительным шмыганьем носа. И забормотала что-то наподобие, мол, он, как историк, должен знать, что еще наши предки говорили, что повинную голову меч не сечет. Игорь, видимо, проникся моими стараниями, или его, просто, стало забавлять все это представление. На его лице появилась едва уловимая улыбка. А я про себя с облегчением выдохнула. Фух... На этот раз, обойдемся без особых нравоучений.

Он пропустил меня в дом, помог снять куртку, и усадил за стол, на котором уже стоял завтрак. Каша, гренки с сыром, остатки от вчерашних пирогов, и чашки для чая. Черный пластиковый пакет я не выпускала из рук, и сейчас он лежал на моих коленях. Игорь изредка косился на него, пока бегал, накрывая на стол, но вопросов не задавал. Наконец, он уселся за стол, разлил по чашкам чай, и уставился на меня с вопросом в глазах:

– Ну...? – Только и спросил он.

Мне почему-то стало обидно. Ну, что это, не мог по-человечески спросить, мол, где это тебя с утра пораньше носило, или, например, что ты там раскопала, или что увидела? А он, буркнул свое «ну», и сидит, ждет ответа. Наверное, поэтому, я хмуро посмотрев на него, ответила соответственно:

– Гну...!! – И принялась с повышенным аппетитом метать в рот ложки с кашей.

Мой друг тяжело вздохнул, и с легким покаянием в голосе, попробовал еще раз спросить тоже самое, только, в более любезной форме:

– Рассказывай, болезная, куда тебя опять понесло одну, да в такую пору? – И не дожидаясь от меня ответа, посему как, рот мой был набит кашей почти до отказа, сказал с тяжелым вздохом. – Не иначе, как понеслась смотреть, где машина Сергеича сгорела. Я ведь так и знал! Поэтому с утра тебя караулил, в окно все выглядывал. Только вот, не укараулил.

Отчаянье и горечь в его голосе заставили меня почувствовать себя последним предателем. Будто я стащила последнюю пайку хлеба у голодного ребенка и втихаря схмячила. В общем, почувствовала я себя паршиво. Лучше бы он на меня наорал, что ли. Посмотрев на него виновато, я, еще раз шмыгнув носом, проговорила:

– Ну, ты прав. Я поехала на старый карьер. Ну, прости, не утерпела... – Игорь только усмехнулся. Но взгляд уже потеплел. Выдохнув с облегчением про себя, я уже более уверенно продолжила. – Машину изнутри облили бензином, подожгли и столкнули вниз. Дождаться, пока она целиком сгорит, ждать, по-видимому, не стали. Я всегда говорила, если взялся делать работу, делай ее хорошо до самого завершения. В итоге, машина несколько раз перевернулась и грохнулась в довольно большой и мокрый сугроб. Изнутри-то она, конечно, выгорела. А вот, до бака и до багажника огонь не дошел. И вот, смотри, что я нашла в багажнике. – С этими словами, я торжественно высыпала содержание пакета на деревянную лавку. – Вот!! Полюбуйся... – Ткнула я пальцем на рассыпавшиеся по лавке пачки денег. Теперь и речи быть не может ни о каком ограблении. Только, у меня один вопрос. Почему Сергеич этот пакет положил в багажник, а не, скажем, на переднее или заднее сидение?

Игорь задумчиво смотрел на содержание пакета, как обычно в подобной ситуации, теребя свою бороду. Потом посмотрел на меня, и медленно проговорил:

– Да, теперь у Степанова голова заболит почти, как у Сергеича. А такая «гладкая» версия получалась. Кто-то узнал о деньгах, Сергеича по башке, машину с деньгами угнали, и ищи ветра в поле. А теперь получается нескладушечка. И вопросов еще больше добавилось. – Потом, как-то уж очень внимательно посмотрев на меня, продолжил. – А, знаешь, Люсь, кажется, ты была права. Чувствуется за всем этим тень кого-то серьезного и большого. А серьезные и большие не интересуются простыми прорабами и их деньгами. В общем, будем думать. А пока, собирайся, поедem к Сергеичу, да и к Степанову надо будет завернуть.

Я, немного поразмыслив, проговорила.

– Мне не хочется отвозить ему деньги. Тогда, мужики еще долго своего аванса не увидят. А, ведь, люди работают. Может, отдадим им деньги, да и документы по котловану им, тоже, для работы нужны. А если это все добрище попадет в милицию, то они и не увидят ни денег, ни документов. Пока дело не доведут до конца, все это будет значится, как «вещественные доказательства».

Игорь с удивлением посмотрел на меня.

– Да, ты знаешь, что Степанов за это с тобой сделает? А, что с ним за это сделают? Если не говорить вообще о твоей находке, тогда, получается, мы следствие по ложному следу пустим.

Он, конечно, был прав. Но, мне очень уж хотелось мужиков порадовать. А то им без денег совсем грустно. Хотя, с другой стороны, никто же не знает, что я эти самые деньги нашла. Версия такова, что Сергеича ограбили. Значит, это проблема Юдина. Вот, пускай он ее и решает. А для меня, то есть для нас (я покосилась на Игоря, который внимательно за мной наблюдал в этот момент), это будет лишний повод с этим самым Юдиным познакомиться. Вроде я, как по старой памяти, пока Сергеич в больнице приду за мужиков похлопотать. Только, надо тогда Семенова предупредить, чтобы находку мою в строжайшем секрете держали. Я еще раз быстро пробежалась по своей логической цепочке. Показалось, чуток корявенько получилось. Ладно. Посмотрим. Игорь, наблюдавший за мной с повышенным вниманием, спросил:

- Ну, и чего надумала? Вижу же по глазам, что надумала. Давай, рассказывай...
- Я ему мило улыбнулась и промяукала:
- Поехали. По дороге все и расскажу. А то, чего зря время терять?

Глава 7

Всю дорогу мы обсуждали с Игорем сложившуюся ситуацию. В конце концов, пришли к единому мнению, что пакет Степанову отдадим, но попросим держать это в строгой тайне. При упоминании мной об этой самой «строгой тайны», Игорь только головой покачал, да тяжело вздохнул. Не отрывая взгляда от дороги, я его с легким раздражением спросила:

– Что? Что ты так вздыхаешь? Я что-то не то сказала?

С улыбкой глядя на меня он успокаивающим тоном проговорил.

– Люсь, ты меня не устаешь удивлять. Где-то такая умная, а где-то... Ну, прямо, как чукотская девочка, наивна. Когда мы пакет отдадим следователю, мало того, что нам попадет, за то, что забрали улику с места преступления, так он, Степанов, эту улику к делу должен каким-то образом пристроить. Это же не частная лавочка, не какое-нибудь детективное агентство. Это вполне себе государственный орган, с, установленными законом, правилами и порядком. А ты, «строгая тайна». Через час половина народа в отделении будет об этом знать. Понятно, что они не будут об этом на каждом углу кричать, но, ты же понимаешь, что любое заинтересованное лицо при большом желании сможет об этом узнать.

Выслушав Игоря, я жалобно спросила:

– Ну, и что прикажешь с этим пакетом делать?

В его голосе звучала насмешливая нежность, когда он мне ответил.

– Как что? Конечно, отдать Степанову, и пускай дальше милиция с этим разбирается. А повод появиться у Юдина у нас будет вполне реальный. Деньги нашлись, но они в милиции. Когда вернут, неизвестно. А мужики, мол, без аванса работать не могут, им тоже хочется кушать. И вообще, чем больше правды и меньше тайн, тем мы быстрее сдвинемся с места.

Подумав немного над словами Игоря, я была вынуждена с ним согласиться. Но, какая-то заноза крепко засела у меня в мозгах, Мне казалось, что мы чего-то упускаем. Не видим чего-то очевидного, лежащего прямо у нас под носом. Может быть, поэтому и не видим, что слишком близко лежит? Но, размышлять на эту тему было уже некогда. Мы подъехали к районной больнице. И я, отложив эту мысль в дальний шкафчик в своей голове, решила, что обязательно подумаю об этом на досуге, еще раз прокручу всю ситуацию, когда останусь одна, чтобы не отвлекаться на другие мысли и эмоции.

В раздевалке больницы мы оставили свои куртки. Нам выдали белые халаты и одноразовые бахилы на ноги. И мы отправились плутать по этажам в поисках отделения травмы. Хотя, в регистратуре нам и назвали номер палаты, где лежал наш друг, но нам пришлось изрядно попотеть и поплутать по этажам, прежде чем, мы вышли на нужный маршрут.

На сестринском посту сидела миловидная барышня и, кокетливо строя глазки, болтала с молодым сержантом милиции. Я про себя присвистнула. А Степанов-то, серьезно отнесся к проблеме, пост возле палаты выставил. Мы постарались прошмыгнуть незаметно, но грозный окрик сержанта заставил нас остановиться. Болтать-то он болтал, но и службу бдил, что было очень даже похвально.

– Вы к кому, граждане?

Мы, будучи людьми законопослушными, честно ответили:

– Мы к Яковлеву Сергею Сергеичу. Он тут в 17 палате лежит.

Сержант сразу как-то напрягся. Взгляд стал подозрительно ощупывать нас с ног до головы. Особенно, это касалось Игоря. Видимо, его борода вызывала какие-то сомнения у парня. Я поняла, что пора активно включаться в процесс, иначе не повидать нам сегодня дорогого друга, Сергеича. Нацепив на лицо лучезарную улыбку, я запела:

– Товарищ сержант, мы же не просто какие-то праздношатающиеся. Мы по поручению Степанова Ильи Федоровича. Так сказать, навестить друга. Вы можете ему позвонить и поин-

тересоваться по этому поводу. Мы ведь ненадолго. Вот, только пирожков занести, да узнать, как у него дела со здоровьем. – Парень все еще недоверчиво смотрел на нас, но в глазах уже появилось легкая тень сомнения. Надо было его «додавливать», так сказать, включать тяжелую артиллерию. И я продолжила. Подойдя, почти вплотную к милиционеру, я понизила голос до тихого и таинственного шепота. – Вы же понимаете... Он очень важный свидетель. И информация, которая у него есть очень нужна Илье Федоровичу для поимки опасной банды. Но, он не может сам сейчас быть. Он у начальства отчитывается о проделанной работе. А информация нужна срочно. Вы понимаете, СРОЧНО... – При этом я загадочно закатила глаза, указывая куда-то наверх, намекая тем самым, КОМУ нужна эта информация. Но, судя по всему, чуток палку перегнула, потому что, сержант с испугом посмотрел наверх, видимо ожидая знака от самого Господа Бога. А я, не дожидаясь, когда он придет в себя, закончила. – Вот он нас и попросил, расспросить потерпевшего. А пирожки, это так, для прикрытия. – И добавила доверительно и со значением, опять подведя глаза под лоб. – Вы же понимаете...

Не знаю, конечно, что он там понимал, но столбняк на него напал конкретный. Похоже у парня произошел сбой в программе. Он вытянулся в струнку, и его рука непроизвольно потянулась к козырьку фуражки. Я покачала головой, будто не одобряя его действий. Потом строго нахмурилась, и прошептала почти по слогам:

– Конспирация...

Потом быстро схватила Игоря за руку и поволокла его по направлению к палате. У Игоря, похоже, тоже был легкий ступор. Двигался он уж больно медленно. Мне даже пришлось на него зашипеть:

– Да, шевелись ты живее, пока он в себя не пришел...!!!

Мы уже подошли к самым дверям палаты под номером семнадцать, когда мой друг пришел в себя и задал вопрос, который, последнее время становился у него привычным.

– Люська, что это было?

– Военная смекалка... – Ответила я ему, лихо подмигнув.

Приоткрыла двери, и мы просочились в палату. Сергеич лежал на кровати, опутанный какими-то трубочками и проводами. Он мне показался маленьким, несчастным, будто немного усохшим, что ли. Под щелочками глаз расплылись фиолетовые пятна синяков. Осунувшееся лицо заросло сизой щетиной. На меня вдруг напала такая жалость, что я чуть не разревелась. И уже, было, начала выразительно хлюпать носом, когда с кровати раздался вполне себе нормальный, я бы сказала, бодрый голос нашего дорогого друга.

– Ну и чего встали со скорбным видом, как на похоронах. Живой я еще. Садитесь.

Мы оглядели одноместную палату. Односпальная кровать у стены, на которой лежал Сергеич, небольшая прикроватная тумбочка с кучей каких-то коробочек и стаканчиков, один стул. Вот, собственно, и вся обстановка. Конечно, не номер люкс в презентабельном отеле, но вполне сносно. По крайней мере, чисто, большое окно, с видом на покрытые лесом горы. Посему как, стул был один, Игорь по-джентельменски придвинул его мне, а сам устроился на подоконнике. Я, усевшись рядом с кроватью, опомнилась, и положила сверток, который принесла с собой на тумбочку.

– Мы тут пирожков тебе принесли. С ливером и еще с брусникой. Я же помню, ты такие любишь. Они, конечно, не горячие, но свежие, вчера вечером пекла.

Глаза -щелочки подозрительно заблестели, и Сергеич хрипло проговорил.

– Спасибо... – У меня от его хриплого «спасибо» тоже защемило в глазах.

Игорю вся эта хлюпающая картина, по-видимому, надоела, и он спросил.

– Сергеич, ты вообще как?

Сергеич, с готовностью, ответил:

– Да, говорят, что через неделю буду, как новый. Голова только кружится все время. Слабость, и ни хрена не помню. Помню, как поехал к Юдину за авансом, как приехал к его домику, вышел из машины, и, вроде бы даже в дом зашел. А потом, все, как отрезало.

Я нахмурилась.

– Подожди... Так ты в дом зашел или нет?

Сергеич глянул на меня из своих щелочек виновато и тихо, с отчаяньем в голосе проговорил:

– Да, не помню я...!!

Я похлопала его по руке, пытаюсь приободрить и успокоить.

– Ладно, Сергеич, не волнуйся и отдыхай.

– Как же, отдыхай! Следователь говорит, что вспомнить надо, иначе... – И он слабо махнул рукой. – Да, еще же там мужики без аванса остались. А я, Алексеевна, ей Богу, не пил. Поверь, ну ни капли...!! А аванса нет. Как же там мужики то...

Он начал волноваться. И тут вступил Игорь. Спокойно, безо всякого сюсюканья, он выложил всю информацию. И как его нашли под вагончиком, и как я потом нашла его сгоревшую машину по Сашиной наводке, и пакет с авансом, который не успел сгореть. И что мы с ним собираемся идти к Юдину, и хлопотать за мужиков. Конечно, он не словом не обмолвился о наших сомнениях и догадках. Просто голая информация, так сказать. Я от негодования аж рукам всплеснула. Ну, нельзя же так, на больного человека все это вываливать, особенно, про сгоревшую машину. Но, к моему удивлению, Сергеич, к потере боевого коня отнесся вполне спокойно, я бы даже сказала, философски. А, вот найденный в багажнике пакет его явно озадачил.

– Так это что же тогда получается... – Начал было он.

Но, тут, ход его мыслей прервали. Дверь распахнулась, безо всякого тебе деликатного стука, или, в крайнем случае, вежливого вопроса, типа «можно?». И на пороге возник следователь Степанов Илья Федорович собственной персоной. За его плечами маячила голова сержанта. Сейчас, взгляд его всегда усталых глаз, метал молнии. Чего-то подобного я ожидала с того самого времени, как мы с Игорем «прорвались» в палату к Сергеичу. И все равно, мне захотелось срочно спрятаться под кроватью, или, в крайнем случае, втянуть голову в плечи. Увидев нас, он, вроде бы, слегка расслабился, но в его глазах все еще были видны грозные всполохи.

– Та-а-а-к... – Протянул он, оглядывая нас, как будто сторож, который застал ребятишек, залезших воровать яблоки в охраняемый им сад. – И что мы тут делаем?

Я посчитала, что вопрос был риторическим, потому что, «что мы тут делаем» было абсолютно очевидным. Следователь сделал несколько шагов в палату. За ним по пятам шел сержант, одна рука которого покоилась на кобуре с пистолетом. И по его лицу было понятно, что он готов все смести на своем пути, или на крайний случай, всех арестовать. Степанов обернулся к своему подчиненному, который в буквальном смысле слова, наступал ему на пятки, и раздраженно пробурчал.

– Свободен... Мы с тобой потом разберемся.

Бедный парень, повесив свою буйную головушку, поплелся вон из палаты. Мне его стало жалко, и я принялась канючить.

– Илья Федорович, сержант не виноват. Не наказывайте парнишку. Это все я, со своим языком. – И я, не иначе, по примеру сержанта, тоже повесила голову, бросая время от времени виноватые взгляды на следователя.

Глава 8

Илья Федорович окинул нас всех суровым взглядом, потом закрыл за собой дверь в палату, и стал высматривать, куда бы ему присесть. Я легкой птахой вспорхнула со стула и устроилась на подоконнике, рядом с Игорем. Степанов пододвинул стул к себе и уселся на него. Потом опять, строго посмотрел на нас и спросил:

– Ну...?

Мне редко приходилось слышать, чтобы в таком коротком вопросе содержалось такое богатое содержание. Я посмотрела сначала на Игоря, потом на Сергеича. Игорь с повышенным вниманием разглядывал пейзаж за окном, а Сергеич, надвинув одеяло до подбородка, прикинулся умирающим. Вздохнув про себя, я начала говорить, осторожно подбирая слова.

– Ну... Мы, собственно, больного товарища пришли навестить. Я вон, пирогов напекла. – Я ткнула пальцем в сверток, лежащий на тумбочке. – Ну, значит, чтобы силы поддержать, и, соответственно, ускорить процесс выздоровления. А тут ваш сержант... Ну, и что прикажете делать? Не пропадать же пирогам, в конце-то концов! – Я начала набирать обороты, внимательно наблюдая за выражением лица следователя.

Потом, прыгнув с подоконника, развернула сверток, и протянула его Степанову.

– Угощайтесь, здесь много. Думаю, Сергей Сергеич против не будет. – Мужики молчали, как проклятые, и я слегка толкнула кровать Сергеича, и обратилась к болящему:

– Сергеич, ты же не будешь против, если Илья Федорович угостится? – При этом я так посмотрела на прораба, что даже если бы он был категорически против, он, все равно, был бы вынужден согласиться.

Степанов взял осторожно пирожок из свертка, внимательно его разглядел, потом потянул носом, и сурово спросил:

– С ливером...??

Я, слегка опешив от такого вопроса, просто молча кивнула. А Илья Федорович принялся с удовольствием жевать, при этом, будто оправдываясь, проговорил.

– С утра, как Полкан бегаю и тьявкаю, даже позавтракать не успел. – Вид он при этом имел весьма довольный.

Я с облегчением выдохнула. Каталажка немедленно нам не грозила. Подождав, пока следователь возьмет еще пирожок, я загадочно проговорила.

– А у нас к вам разговор есть. Но, думаю, лучше всего поговорить где-нибудь в другом месте, чтобы больного не тревожить.

Откусив добрую половину следующего пирожка (как видно, с брусникой), следователь с легкой усмешкой произнес:

– Можем в отделение проехать...

Мы с Игорем, не сговариваясь, замотали головами. А я примирительно добавила:

– Ну, зачем же сразу, в отделение. Можем на улице побеседовать. Глядите, вон и солнышко выглянуло. А вы, наверное, все в кабинете, да в кабинете... – Последнее предложение я произнесла с легким подхалимажем, впрочем, не переходя границы допустимого.

Степанов усмехнулся. Кем, кем, а дураком он точно не был. Сначала обратился к Сергеичу:

– Ну, что, любезный? Порадуете своими воспоминаниями? Или все по-прежнему, ничего не вспомнили?

Сергеич скорчил скорбную мину, и едва слышно, пробурчал:

– Все по-прежнему. Как только что-то вспомню, сразу вашему сотруднику скажу, чтобы вас вызвал.

Илья Федорович тяжело поднялся, и обращаясь к нам, проговорил:

– Ну, что, нарушители закона, пойдете, расскажете, что там у вас.

Я сделала возмущенное лицо, но мявкать не стала. Нечего судьбу за хвост дергать. Наскоро попрощавшись с Сергеем и пожелав ему скорейшего выздоровления, а также, успокоив его, что за стройкой мы присмотрим, и мужиков в обиду не дадим, мы гуськом потянулись за следователем из палаты. Когда мы проходили мимо вытянувшегося в струнку и застывшего у дверей сержанта, я не смогла себе оказать в маленькой шалости, подмигнув оторопевшему парню. Думаю, он еще долго будет гадать, кто же мы такие. Ну, теперь ему было, чем на посту заняться.

Выйдя из здания больницы, мы нашли сухую скамейку в больничном скверике и усадились на нее. Я молча протянула следователю черный пакет, который все еще продолжала держать в руках. Он с удивлением посмотрел сначала на пакет, потом на меня, в ожидании объяснений, которые я и поспешила ему дать, все подробно обрисовав, начиная от посещения меня водителем КамАЗа, и заканчивая обнаруженным в багажнике недогоревшей машины Сергея этого самого пакета. Степанов слушал молча, только с каждой минутой все больше и больше хмурился. Когда я закончила, он стал набирать воздуха в грудь, а я торопливо проговорила.

– Знаю, что умыкнула вещдок с места преступления. Но, оставить его там побоялась. А ну, кто набредет и найдет. А это ж, все же, деньги. – После этого заявления, сложила руки на коленях и скромной мышкой уставилась честными глазами на следователя.

Он выпустил воздух, покачал головой, и пробурчал себе под нос:

– С такими помощниками придется на пенсию раньше времени выходить! – Потом помолчал немного, и спросил, как мне показалось больше себя, чем нас. – Ну, и чего теперь с этим всем прикажете делать?

Я задрала к небу глаза и с умным видом выдала:

– Конечно, решать вам. Но, я бы на вашем месте, вызвала криминалистов и машину обследовала. Мало ли, что там еще можно найти... – Досказать свою мысль я не сумела.

Степанов так на меня глянул, что слова застряли у меня в горле и я сосредоточила свое внимание на плывущих по небу облаках. Илья Федорович тяжело поднялся, еще раз сердито глянул на нас, и тяжело ступая, направился в сторону паркинга, где, судя по всему, его дожидалась машина. Мы проводили его глазами, потом переглянулись. Взгляд Игоря был слегка укоризненным. Я просто пожала плечами. Встав со скамейки, отправились к моей машине. Я решила немного пробежаться по магазинам, раз уж мы выбрались из нашей глуши в цивилизацию. Да, и Игорь тоже хотел пополнить запас продуктов.

Пока носились по магазинам о серьезных вещах не разговаривали. Только, уложив все покупки в багажник, и сев в машину, Игорь завел разговор.

– Что ты по поводу этого всего думаешь?

Я неопределенно пожала плечами, вырываясь с паркинга магазина. Потом немного подумала и заявила:

– Бьюсь об заклад, что на пакете с деньгами не обнаружат отпечатков Сергея.

Игорь с удивлением на меня посмотрел.

– С чего ты так решила?

Я принялась с удовольствием объяснять ход моих мыслей.

– Ну, смотри. Предположим, ты приехал ко мне получать деньги и документы. Я их положила в пакет, и протянула тебе. Что ты делаешь дальше? – Игорь набрал воздуха, собираясь ответить, но я не дала ему такой возможности. – Не напрягайся, вопрос риторический. Но, подумал ты правильно. Ты берешь пакет и идешь к своей машине. Дальше, ты открываешь дверцу и, что...? Правильно. Кидаешь пакет или на переднее сидение, или на заднее. Потому что, ты собираешься ехать к бригаде, чтобы вручить им аванс за работу, а также, показать документацию по котловану. Я правильно определила предполагаемые действия?

Я мельком посмотрела на Игоря. Он неопределенно пожал плечами и неторопливо ответил:

– Ну, в принципе, правильно...

Я подняла указательный палец на правой руке, как указующий перст.

– Вот... Ты вряд ли, пойдешь открывать багажник, чтобы положить туда небольшой пакет. Это было бы как-то... – Я задумалась над тем, какое слово было бы уместным в данной ситуации. Ничего умного в голову не пришло, и я просто закончила. – Это было бы не характерно. Значит, из всего вышесказанного делаем вывод, Сергеич этот пакет в багажник не клал. Его положил туда кто-то другой. По крайней мере, я думаю именно так. – Тут я слегка погрустнела. – Хотя, знаешь, какая нам к бесу разница, клал туда пакет Сергеич или, это сделал кто-то другой. Нам от этого ни тепло, ни холодно. Лучше скажи, что мы дальше делать собираемся.

Игорь смотрел в задумчивости в окно, где сплошной серо-белой лентой мелькала обочина, поросшая кустами и голыми деревьями. Солнце опять, утратив ласковый интерес к земле, оставило мир на произвол, не желающей покидать его, Старухи-Зимы. Я не прерывала его размышлений. Знала, что меня он услышал, и теперь обдумывает сказанное мною. Зачем человека торопить? Времени у нас вагон. Сегодня, при всем желании, мы уже не успеем ничего предпринять. Пока доедем до дома, пока ужин, то, да се, вот уже и ночь на дворе. Игорь заговорил тихо, но я все равно вздрогнула от неожиданности, потому что мыслями уже перенеслась на корабль, к предстоящему ужину.

– Думаю, завтра мы должны будем с тобой наконец-то познакомиться с господином Юдиным, и поговорить с ним по поводу денег для мужиков. И, конечно, наверняка, у него имеется и дубликат документов, которые он отдал (или не отдал, тут большой вопрос) Сергеичу, и без которых мужики не знают, чего и где копать дальше. Я еще сегодня покопаюсь в компьютере. Может еще чего про этого гражданина нарою. Но, чует мое сердце, опять мы с тобой, Люся, лезем к черту в пасть.

Он вздохнул так тяжело, что мне тут же захотелось утешить, погладить по голове. Но, дорога не позволяла мне отвлекаться, и поэтому я попыталась его утешить на словах.

– Ну, почему, сразу «черту в пасть»? Может и ничего, все еще обойдется. Может он окажется толстым добродушным дядькой, у которого и в уме не было никаких пакостей.

По-видимому, я была не слишком убедительной, потому что, Игорь с невеселой усмешкой произнес:

– А ты сама-то в это веришь?

Врать Игорю я не рискнула. Поэтому, просто помотала отрицательно головой, сопровождая свой жест не менее тяжелым вздохом, чем тот, который несколько минут назад вырвался из груди моего друга.

Глава 9

Приехав домой и поужинав, я предложила Игорю остаться ночевать на корабле. Места было в достатке, чего туда-сюда бегать, да еще по такой хляби. Но, сославшись на то, что у него Соломон не кормленный, а также, на то, что хотел еще посидеть и поискать информацию на Юдина он ушел домой. Оставшись одна, я чего-то загрустила. Навела порядок на кухне и стала бродить по кораблю туда-сюда, как призрак капитана Флинта. Окружающие меня стены давили, и мне нестерпимо захотелось на свежий воздух. Налив в большую кружку чая и, накинув куртку на плечи, я пошла на верхнюю палубу.

Холодный ветер гнал по небу облака, похожие на грязные рваные тряпки. С реки доносился шум потрескивающего льда. Скоро, совсем скоро река взбунтуется, и Зиме долго не удержать свою оборону. Ежась под порывами ветра, я отхлебнула из кружки. С печалью вынуждена была констатировать, что опять влезла в какую-то историю. Мало того, сама, еще и Игоря опять за собой тащу. Вспомнился герой Георгия Маркова из его романа «Строговы», который говорил: «Умру, а ногой дрыгну». Конечно, по возрасту я годилась этому герою во внучки, но эта его фраза была мне душевно близка. Из головы не шла ситуация с Сергеичем. Где-то в голове бродила неясная мысль, объясняющая все произошедшее. Бродить-то она бродила, но в руки, как говорится, не давалась. И это меня сильно раздражало.

И тут, за моей спиной послышались осторожные шаркающие шаги. Видимо, я крепко задумалась, потому и потеряла связь с окружающим. От неожиданности я подпрыгнула, резко обернулась, чуть не выплеснув на себя чай из кружки. В неясном свете, падающем из иллюминаторов корабля, передо мной стояла фигура в старом плаще с, надвинутым на глаза, капюшоном. Я с облегчением выдохнула, и ворчливо проговорила.

– Федор, ты бы как-то побряхтел или, на худой конец, покашлял. А то, я скоро от таких появлений заикаться начну, и это в лучшем случае.

Пришедший, смотрел на меня внимательно. Но, я это поняла больше по его неподвижной позе. Из-под капюшона выглядывала только его борода, лица не было видно почти совсем. На мое ворчание он никак не прореагировал. Просто стоял и смотрел на меня. Стоять так я могла бы, конечно, долго. Но, холодный ветер начал пробираться ко мне до костей. И мне показалось более разумно пригласить его внутрь, что я и сделала.

– Чего тут мерзнуть. Пойдем в дом. Чаем горячим напою. – Я опять зябко передернула плечами, поправила куртку, которая все норовила сползти с меня, и направилась вниз по лестнице к входной двери.

Мой неожиданный ночной гость, также, не произнося ни звука, молча последовал за мной. Я еще в прошлый раз поразились тому, как легка и неслышна была его походка. Он, как будто бы не шел, а скользил над поверхностью земли, что с учетом его возраста, неизменно вызывало мое восхищение и удивление. Только войдя внутрь корабля, он откинул капюшон с лица и с интересом огляделся. А я поняла, что он еще ни разу не был внутри сего необычного сооружения. Но, любопытство свое он никак не высказал, только тихим голосом, похожим на шорох осенней палой листвы, произнес:

– Ну, поздорову будь, хозяйюшка в дому сем. – И слегка склонил голову, выказывая свое уважение.

Я пододвинула ему стул, и стала хлопотать вокруг стола. Пока я сновала туда-сюда от плиты к столу, он молча разглядывал кухню. Поставив чашку с чаем на стол перед своим ночным гостем, я пододвинула корзинку с остатками пирогов и вазочку с вареньем. Дождалась, когда он угостится пирожком и отхлебнет насколько глотков чая, я спросила:

– С чем пожаловал, батюшка...? – И сама удивилась себе.

Откуда взялось это старинное словечко «батюшка» на моем языке, было совершенно неясно. Но, взялось же! И было настолько уместно, и, я бы сказала, привычно для моего слуха, что вызвало у меня самой легкую оторопь. Федор слегка усмехнулся самым краешком губ. Спокойно еще отхлебнул из чашки, и только тогда заговорил, тем же тихим шелестящим голо-сом:

– События развиваются стремительно. И, боюсь, ты опять полезешь в самое пекло и Искателя за собой потащишь. Удержать тебя не сумею, понимаю, что бесполезно. Нравнодушная ты. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что такие люди идут по жизни с широко-распахнутыми глазами, и не проходят мимо чего-то интересного или неправильного. А плохо, потому что, в нашем деле важна строжайшая тайна, которую мы храним не одно столетие. А ты со своим неумным деятельным характером, можешь эту тайну наружу вывести, под солнечный свет.

Я глянула на него хмуро, и пробурчала.

– Так, может ей, этой тайне уже и пора бы под солнечный свет? А то, неровен час, засохнет, заплесневеет в темных подземных подвалах?

Глаза его блеснули, как грозовая туча, а голос загремел, как раскатистый весенний гром:

– Не ты сию тайну туда упрятала, не тебе и доставать!!! По плечикам ли груз сей на себя взять решила?!!

Я от такой отповеди слегка оторопела. Потом, решила даже обидеться. А через пару секунд поняла, что старик совершенно прав. Я бы еще и резче сказала. Куда со свиным рылом, да в калашный ряд... Ох, грехи мои тяжкие. Я сердито засопела и опустила голову. Вот со мной так всегда! Чуть вдали полоску окопов увижу, сразу на коня, шашку наголо и гойда...!!!! Осознав все это, печально проговорила.

– Прости... Знаю, что неправа. Но, хочется осчастливить всех и сразу. И трудно с этим желанием бороться, но я стараюсь.

Веселые искры засветились в его глазах, хотя, выражение лица еще и оставалось вполне серьезным, и я бы даже сказала, сердитым. Он еще побуравил меня некоторое время своим взглядом, а потом с тяжелым вздохом, ни к кому не обращаясь произнес:

– Эх, молодость, молодость... Ну, да ладно, чего уж там... – Потом, закончив говорить сам с собой, уже обратился ко мне. – Хотел предупредить вас. Затеваются что-то плохое, темное, несправедливое. Нам то ко всему этому не привыкать. Сколько всего было, и сколько будет, один Господь знает. А вы-то, с непривычки, попасть можете, как кур в ошип. В общем, слушай. Про Воинство Чистое, про Дружину Единую вы уже знаете. И историю нашу, и дела некоторые. Но, не рассказал я вам еще про Дружину Темную. Сами себя они называют «Радельщиками», или «Радельцами», будто, радеют они за веру истинную, а все прочее предают проклятию и грехом считают. Именно они и жгли наши книги многие века назад. Иерархия у них простая, взята из системы еретической западной, пришедшей когда-то к нам извне. Не коренное оно, не наше. Но, многих к себе привлекло. Любителей пограбить, да похозяйничать на Светой Руси всегда было предостаточно. И сейчас их не меньше. Хоть и прикрываются они шкурками овечьими с добрыми посылами якобы. Только, под ними все морды волчьи торчат больше. И Мезенцев ваш, состоял в этих самых Радельцах. Только был он так, мелочишка негожая. Да, и тут его жадность обуяла. Для себя одного решил заполучить тайны наши. Вот его потому не сильно-то и искали. Так, для порядка, для отвода глаз. Только, думается мне, что придет на его место кто-то более сведущий и более опасный. Мы пока сидим тихо, не высываемся, но, полагаю, эта тактика себя не оправдает. Но, подчинены мы Уставу нашему, строгому, и не всегда вольны в своих действиях. – Он внимательно посмотрел на меня, пытаясь прочесть по моему лицу, какое впечатление произвела на меня его речь. Я сидела в полном обалдении, так что, думаю, он должен был остаться довольным произведенным эффектом.

Не дождавшись от меня ничего внятного, кроме хлопанья ресницами, да тяжелых вздохов, он продолжил.

– Ты баба горячая, неугомонная. Я сразу это понял. Полезешь в драку, не разобравшись кто, да чего. И обязательно себе шею свернешь. А мне деток твоих жалко. Одни останутся, хоть и взрослые уже, а все едино, без мамки-то плохо будет.

Я аж задохнулась от возмущения. Но, не успела я прокудахтать фразы, типа, «да, как вы...??!!», «да, откуда вы...?!», он устало махнул на меня рукой, будто от надоедливой комара отгоняя.

– Да, угомонись, ты... Знаю, что тебя уговаривать бесполезно, и тихо сидеть ты не соби-
раешься. Уж больно сердце у тебя ярое. С таким сердцем жизнь в тихом уголке не проживешь. Потому и пришел. Собратья мои против были. Говорят, я чужакам наши тайны открываю. А, я так думаю: коли сердцем горячие, коли за правду боритесь, так, какие вы тогда чужаки? Наши вы. Только неразумные еще. Но, это дело наживное. Ты небось уже и план какой придумала? – Он с легким лукавством посмотрел на меня.

Под таким взглядом врать, ну никак нельзя было!! Покряхтев, да повздыхав немного, я решила рассказать ему все свои думки. Если Федору не доверять, так, тогда, кому еще то?!

– Кажется мне, что Сергеич попал в переплет этот неспроста. Вот сам подумай. Убить бы хотели, так убили бы. А так, просто видимость создали. Для чего? Мезенцев пропал, и пропал именно здесь. И они... – Я слегка запнулась, на этих загадочных «они». Потом, решила, что пока так буду называть. – Они прекрасно понимают, что это все не просто так. Кто-то, наверняка, должен был что-то знать, чтобы ИМ рассказать. А Игорь мне говорил, что Сергеич из старинного староверческого рода. У него и Библия имеется, написанная на старославянском языке, сохранившаяся в его роду с незапамятных времен. И он, вроде бы, тайны из этого не делает. Хотя, конечно, и не афиширует. А другой ниточки у них нету. Про то, что мы с Игорем в этом как-то замешаны, собственно, никто кроме вас и не знает. А лаз в схрон мы нашли. И соответственно, Сергеич в курсе всего этого, потому, как должен быть в силу своего происхождения близок к вам. И про Царь-Книгу он знает. Только, вот куда делась она потом, ему неизвестно. Да, он и не спрашивал. Я только сейчас это поняла, что даже вопросика не задал. Странно как-то... Ладно, с этим потом разберемся. Получается, что ему тоже кое-что известно. Поэтому на него и выбор пал. А мы с Игорем что? Чужаки пришлые. Ну. Игорь еще ладно. Вроде как, отец у него здесь погиб, и историком был. А я вообще, птица-гусь залетная, никак с этим местом не связанная. Вот они на Сергеиче и остановили свой взор. То, что это никакое не ограбление, было понятно с самого начала. Уж больно как-то все неправильно, что ли. Грабители себя так не ведут. А уж после того, как машина его нашлась, а в ней деньги и документы, которые по счастливой случайности только и не сгорели, так вообще, даже тени сомнения про ограбление нет. Не только у нас, даже и у милиции, я думаю. Его, скорее всего, и гадостью этой накачали, чтобы вызнать что-нибудь. Только, не думаю, что он мог что-то им рассказать, или на кого-то вывести, потому как, сам ничего не знает. Я только теперь поняла, что знать-то не знает, а вот догадываться вполне может, потому что из коренных жителей он. Может, в его роду кто-то о чем-то и обмолвился. Но, думаю, даже если догадывается, то никогда не скажет. Характер не тот. Хотя, под воздействием лекарств... Кто его знает... – Я перестала рассуждать о Сергеиче. Мысль была интересная и требовала серьезного обдумывания. Я пока сделала себе в голове закладочку на память, и продолжила дальше рассуждать. Федор слушал с большим вниманием, чуть наклонив голову на бок. Как будто, слышал что-то новое и весьма интересное. Я слегка приободрилась и продолжила с большим энтузиазмом. – И теперь, нам надо найти того, кто за всем этим здесь стоит. И мне почему-то кажется, точнее, я почти уверена, что это тот самый Юдин, который претендует на покупку вотчины Мезенцева. – Я задумчиво разглядывала чайники, плавающие в моей чашке, не обращая внимания на Федора, сидевшего напротив меня.

А старик задумчиво проговорил.

– Уже...

Я в недоумении подняла на него глаза.

– Что, уже...?

Федор усмехнулся.

– Вотчину Мезенцевскую купил уже. Аукцион сегодня утром был. Теперь он полновластный хозяин его усадьбы.

Я заволновалась.

– А он не сможет пещеру опять раскопать и все... ну, все, что там есть обнаружить?

Старик покачал головой.

– Это вряд ли... Ты там такой завал устроила... Не просто камнепад. Там плиты с мест сошли и сложились. Туда теперь снаружи не добраться. Я своим так и сказал, огонь-баба! – Он помолчал мгновение, в раздумье глядя на меня. – Меня другое волнует. Юдин сейчас начнет рыскать, ниточку искать. И, если он хоть намек какой найдет на ваше участие... В общем, ты понимаешь, ЧЕМ это может грозить. Может, вам на время уехать куда отсюда подальше?

Я сурово сжала губы и нахмурилась. Только собралась дать достойный ответ, как Федор опять махнул на меня рукой и проговорил ворчливо:

– Да, знаю, знаю... Я особо и не рассчитывал, что согласишься. И сидеть тихой мышью не будешь, тоже знаю. Но, имей ввиду, Юдин может оказаться вам не по зубам. А мы вам не помощники. Нам себя обнаруживать никак нельзя. Если Юдин поймет, что тут есть Хранители, они от этого места не отстанут. А нам этого никак не надо. Это нам с Мезенцевым, можно сказать, повезло. Он от своей жадности ничего и не передал Радельцам. Думаю, Юдин зверь покрупнее и поопасней будет. Так что, держи ухо востро, и не делай глупостей.

Он тяжело поднялся, еще раз посмотрел на меня.

– Я все сказал, за чем приходил. И все услышал, что ожидал. Только, ты вот чего... О моем визите никому не говори, даже Игорю. – Я открыла рот, чтобы возразить, но наткнулась на его строгий и суровый взгляд. И он жестко произнес. – Не в игрушки играем!!! А меньше знаешь, дольше проживешь. Надеюсь, эта простая истина тебе известна. – Потом взгляд его чуточку потеплел, и он совсем другим голосом произнес. – А за пироги, спасибо. Хорошие пироги. – И не прощаясь выскользнул за дверь, оставив за собой терпкий запах березового дыма и талого весеннего снега.

Глава 10

Сказать, что мне в эту ночь просто не спалось, значит не сказать ничего. Сначала я металась по кораблю, как ужаленная, постоянно прокручивая в голове наш разговор. Больше всего, меня, почему-то напрягало то, что я не могу об этом посещении рассказать Игорю. Я ему доверяла, как самой себе. И несколько раз я хваталась за телефонную трубку, собираясь звонить другу, тем самым, нарушив запрет Хранителя. И несколько раз, в последний момент отдергивала палец от кнопок. Потом, решив, что мне надодохнуть свежим воздухом, выскочила на палубу, и побегала еще там немного. Быстро замерзнув, вернулась внутрь корабля и решила, что нужно выпить чая. Потом, собралась с мыслями и, все же, решила позвонить Игорю. Но тут, взгляд мой упал на часы. Было четыре часа утра. Не думаю, что он бы сильно обрадовался сейчас моему звонку. В итоге, решив, что утро вечера мудренее, отправилась в спальню.

Но и в родной кровати под теплым одеялом никак не могла найти себе покоя. Мысли лихорадочно метались, никак не желая уюмониться и разбежаться по нужным полочкам. Попялившись еще некоторое время в потолок, я решительно встала, и отправилась в холодный душ. На полдороге передумала, надела халат, сверху накинула куртку, всунула босые ноги в ботинки, взяла большое полотенце и решительно направилась на реку. Только мощный поток горной реки, его живая вода, могли мне сейчас помочь. Знала я там одну заводь, в которой летом Игорь купался. Течение там было совсем слабым, и ото льда она была уже свободна.

Идти было не особенно далеко, метров триста. Я шагала решительным шагом, как солдат, идущий в атаку. Горизонт посветлел и окрасился в слабо-розовые тона. Где-то в лесу тоненько и звонко затетенькала синица, предвещающая весну. За ночь облака расползлись по краям неба, освобождая самый центр огромного купола, повинувшись повелительной руке ветра. Небо над головой подернулось синевой, которая бывает только в начале весны ранним утром. Дойдя до берега, я замерла в удивлении. Река стала разливаться, потихоньку вылезая из-под своего ледяного панциря, пока еще, не накопив достаточно сил, чтобы его взломать. В заводи вода была мутная, беспокойная. Маленькие буруны то и дело образовывались на ее поверхности, появляясь и вновь исчезая, чтобы возникнуть уже на другом месте. Но, понятное дело, меня это не остановило. Я быстро разделась и вошла в ледяную воду. Меня обожгло, словно кипятком с ног до головы. Сердце на мгновение остановилось, дыхание замерло. Сделав длинный выдох, я присела и ушла под воду с головой. Прodelав эту процедуру еще несколько раз, выскочила на берег и принялась обтираться полотенцем. От тела шел пар, а на душе появилась такая легкость, и неудержимая радость. Я засмеялась во весь голос. Подняла руки к небу и заорала всю силу своих легких:

– Здравствуй, новый день!!!

Рев реки почти заглушал мой голос, но от этого было еще веселее. Я как будто стала частью этой самой бурлящей реки. Захотелось опять войти в этот бурный поток и отдаться на волю его течения. Но, делать я этого не стала. Остатки разума еще сохранялись в моей голове, несмотря на избыток информации и бессонную ночь. Ограничилась тем, что плеснула еще несколько горстей себе в лицо, с трудом надела халат на мокрое тело, обулась и быстрой рысцой рванула к кораблю.

В голове все сразу улеглось, успокоилось. Некоторые мысли, которые еще совсем недавно, ночью никак не хотели укладываться рядком, сейчас, как по мановению волшебной палочки спокойноенько разлеглись по своим полочкам. О разговоре с Хранителем я решила Игорю пока ничего не рассказывать. Ни к чему ему сейчас этот лишний груз. Но, и таиться от него не буду. Придет время, обязательно все расскажу. Не заставят меня никакие братства изменить мое отношение к своим друзьям. Я – не Хранитель. Я – это я. И другой становится

не буду, да и не хочу. Но, это не значит, что я опять с шашкой наголо поскачу на вражеские редуты. Надо осмотреться, взять паузу. А там и решение придет само собой.

Придя домой, стала готовить завтрак. Может Игорь решит заглянуть с утра пораньше. Настроение было чудесное. От восторга, который я испытала на берегу реки, осталось ровное, спокойное и умиротворенное состояние. В такое время, к вам приходит твердая уверенность, что все будет хорошо. Не легко, не просто, а именно, хорошо. Причем, вы совершенно не заботитесь о том, когда это «хорошо» наступит и с какой стороны придет.

Не успела я снять с плиты закипающий кофейник, как мой телефон разразился веселеньким мотивчиком. Я схватила трубку. Игорь. Не иначе как, телепатия. В трубке слышался его тихий, чуть извиняющийся голос.

– Люсь, я тебя не разбудил? – После моего веселого ответа, что нет, он проговорил. – Я тут рядом с кораблем. Хочешь, я зайду и завтрак тебе приготовлю? – Мне стало тепло от его слов. От легкого щемящего счастья, даже защипало в глазах.

Я ответила спокойно:

– Конечно, хочу. Заходи...

Буквально, через несколько мгновений раздался негромкий стук в дверь. Судя по короткому промежутку времени, после того как, окончился наш телефонный разговор, и этим самым стуком, он был не «рядом с кораблем», он был практически у самой двери. Я кинулась открывать. Он зашел, чмокнул меня в щеку, как будто это было самым обычным делом, целовать меня по утрам в щеку, и с удивлением уставился на накрытый на двоих к завтраку стол. На его немой вопрос, я с улыбкой пожала плечами, и проговорила:

– Что ты хочешь... Телепатия...

Пока мы завтракали, я ни о чем Игоря не расспрашивала. А он изредка посматривал на меня с каким-то недоумением в глазах. Но, тоже, от вопросов воздерживался. Взяв по чашке кофе, мы вышли с ним на верхнюю палубу. Сегодня, впервые за последние дни, солнце щедро поливало мир светом и теплом. Я с удовольствием подставила его лучам лицо и так замерла на несколько минут. Из блаженного состояния меня вывело легкое покашливание.

– Я смотрю, ты сегодня какая-то... не такая, как обычно. – Игорь говорил, осторожно подбирая слова, будто боялся меня спугнуть, как настороженную птичку.

Я, не открывая глаз лениво спросила.

– Какая не такая? Я- все еще я. – В голосе звучала легкая насмешка, Впрочем, совсем не обидная.

Судя по тону, Игорь начал немного сердиться. Но, не на меня, а скорее, на себя, что начал этот разговор.

– Ты сегодня выглядишь безмятежно. Будто у нас нет никаких проблем.

Я открыла глаза. Увидела его слегка надутую физиономию, и тихонько рассмеялась. Приобняла его за плечи, и, заглядывая ему в глаза, проговорила.

– Просто, ко мне сегодня пришла уверенность, что все будет хорошо. Никаких сомнений и метаний. Мы всех, кого надо, победим. – Он все еще продолжал хмуриться. И я продолжила уже более серьезным тоном. – Знаешь, я всю ночь не могла уснуть. Бегала по кораблю и его окрестностям, как кошка на пожаре. А потом, на рассвете, пошла на реку и искупалась в вешней воде. Было такое ощущение, будто я заново на свет родилась. Силы откуда-то появились, мысли перестали метаться. Одно слово – ЖИВАЯ вода.

Взгляд у Игоря потеплел. Он крепко прижал меня к груди и стал гладить по голове, как будто, я была маленьким потерявшимся ребенком. Давненько я не чувствовала такого тепла и нежности. Потом, отстранил немного от себя и вдруг ни с того, ни с сего, выпалил:

– Люська, выходи за меня замуж.

В первый момент, я посчитала, что мне послышалось. Легонько отстранилась и с недоумением посмотрела на него.

– Что ты сейчас сказал?

Под моим взглядом он смутился и опять насупился.

– Что слышала, то и сказал. Я тебя люблю, и хочу, чтобы ты стала моей женой. Для тебя это что, новости?

Я в задумчивости посмотрела на него внимательно и проговорила.

– Не скажу, что уж очень неожиданные новости. Но... Понимаешь, каждый человек это слово понимает по-своему. Я имею ввиду «любовь». Моя бабушка всегда говорила, какой человек, такая и его любовь. Есть люди, как придорожная сорная трава. И любовь у них будет такая же. Угнетенная, пыльная, изможденная. А есть люди, как солнце. Любовь таких людей будет обжигать, причиняя боль. Я вообще, очень серьезно отношусь к этому слову. Понимаешь, любовь – это слово, у которого нет градаций. Она не бывает сильной или слабой, маленькой или большой. Любовь, она или есть, или ее нет. Люди иногда путают это великое слово с такими словами, как например, «нравится», «страсть», «влечение». Их много таких слов. Но все это вовсе не обозначает любовь. Их не всегда можно отличить друг от друга. Особенно, если смотришь сверху, а не вглубь. То, что ты сейчас сказал, это очень серьезно. Мы с тобой взрослые люди. Поэтому подобное решение должно быть взвешенным и ответственным. Я уже однажды прыгнула с головой в омут. Повторять этого больше не хочу.

Игорь начал заводится.

– А я что, по-твоему, не взвешенно и не серьезно это говорю?! В том-то и дело! Мы уже взрослые люди! Я был один раз женат, и думал, что мне этого опыта за глаза, на всю оставшуюся жизнь, так сказать, хватит. А потом, прошло время, и я понял, что мне просто не очень повезло. Это была не МОЯ женщина. Понимаешь, я долго думал о нас с тобой. Оказалось, что я искал тебя всю свою жизнь. И когда уже думал, что все, нет той моей на земле. Может в другом времени она осталась, а может и не родилась еще вовсе. А тут... Тут ТЫ! Меня, как токомшибануло! Понимаешь?! – Я смотрела на него во все глаза, удивляясь перемене.

Я всегда считала, что он умный, рассудительный человек, взвешивающий свои слова и поступки. А сейчас, передо мной стоял молодой мальчишка. Страстный, горячий, с какой-то неукротимой силой во взгляде. Это был совсем другой Игорь. И этого Игоря я совсем не знала. Я слегка растерялась. Помолчав несколько минут, я стала говорить, осторожно подбирая слова, чтобы не обидеть его.

– Послушай, это слегка неожиданно. Ты прав, мы взрослые люди, если не сказать чуть больше. – Я слегка усмехнулась, вспомнив о том, сколько мне лет. – Я тоже была замужем, у меня двое детей. Ты знаешь об этом. Если мы примем решение, оно не должно быть... спонтанным. – Слово мне самой не понравилось, и я чуть поморщилась. Отбросив всяческую осторожность, я выпалила. – Я хочу сказать, что мне нужно немного времени, чтобы все как следует обдумать. У меня не очень покладистый характер, если не сказать хуже. И тебе об этом уже известно. Но, я не принимаю никаких полутонув. Если да, то «пока смерть не разлучит нас». Поэтому, я тебя прошу, дай мне немного времени. Обещаю, я не буду тянуть с решением очень долго. Хорошо? – И я опять заглянула ему в глаза.

Он внимательно посмотрел на меня, складка между бровей слегка разгладилась, но, чувствовалось, что мой ответ его не устроил. Тяжело вздохнув, он, все же согласно кивнул головой. А потом с легкой горечью произнес:

– Что с тобой поделаешь? У меня все равно нет других вариантов.

Я звонко чмокнула его в щеку, и мир был восстановлен. Только у этого самого мира как-то изменился цвет.

Глава 11

Постояв еще немного на палубе, мы опять спустились вниз и зашли внутрь корабля. Мне захотелось выпить еще кофе, и Игорь вызвался его сварить. Думаю, он чувствовал себя не очень уютно сейчас, и пытался за простыми действиями скрыть эту неловкость. Я уступила ему место у плиты, а сама уселась за стол, и, глядя ему в спину, начала приставать с расспросами.

– Ты что-нибудь еще выяснил насчет Юдина?

Он, не оборачиваясь, кивнул:

– Да... Представляешь, он таки купил Мезенцевскую вотчину. Торги вчера были. Теперь он наш сосед. Как думаешь, он был в курсе ... – Он замылся на секунду, стараясь подобрать правильное слово. А потом, опять продолжил. – Был он в курсе той деятельности, которую развернул тут этот наш общий «друг»?

Сообщение Игоря для меня, по понятным причинам, уже не было новостью. Но, пока я не рассказала Игорю о посещении меня Федором, нужно было, по крайней мере, делать вид, что это для меня стало неожиданностью. Я тихонько присвистнула, выражая тем самым свое «удивление». А про себя сказала крепкое и не очень лицеприятное слово по отношению к старому Хранителю. Нет, дорогие товарищи, я так долго не продержусь. Ну, не мое это! Конечно, когда надо, я умею хранить тайну, не хуже героев-подпольщиков. Но, чтобы таиться от близкого мне человека, это уж, увольте. Но, что-то помешало мне тут же, не сходя с места, рассказать все Игорю. Сработал какой-то внутренний запрет, словно, я собралась открыть дверь, а она возьми, да и защелкнись на щеколду. Ох... Вот я влипла... На душе стало паршиво.

Задумчиво поведив пальцем по столу, я проговорила:

– Не знаю. Но, думаю, что Мезенцев вряд ли стал с кем-нибудь делиться, или откровенничать по поводу ТОЙ находки. Жаден уж больно был. – Я опять слегка поморщилась.

Тема для меня была очень болезненной. Игорь, будто почувствовал мое настроение, и повернувшись ко мне лицом, серьезно произнес:

– Ты ни в чем не виновата. У тебя просто не было другого выбора. На войне, как на войне. Либо они нас, либо мы их. В тот раз получилось, что «мы их». Но, могло ведь и наоборот выйти. Так что, не кори себя и не терзайся.

Речь, произнесенная Игорем, конечно, была впечатляющей, но мне от этого легче не стало. Я проговорила тихо, вспомнив изречение из Священного Писания, будто, пытаясь в чем-то убедить сама себя:

– Не оглядывайтесь, ибо, в соляной столб превратитесь... – Потом, будто очнувшись, уже бодрым голосом проговорила. – Нет, Игорь, я не думаю, что Юдин в теме, так сказать. Хотя, то, что он захотел приобрести этот участок, оставшийся после Мезенцева, при более глубоком рассмотрении, наводит на определенные мысли. И, потом, не забывай, историю с Сергеем. В любом случае, нам его надо навестить. Вопрос с мужиками надо решать, пока наш доблестный прораб в больнице валяется. Не то, сердешные, с голоду помрут.

Кофе был готов, и я, с большим удовольствием сделала глоток из своей чашки. В исполнении моего друга, он был божественным. Он добавил туда зернышко кардамона, как делают арабы, и на кухне запахло Востоком.

Допив кофе, Игорь вопросительно посмотрел на меня.

– Ну, что? Сейчас и поедем. Чего его в долгий ящик откладывать.

Я согласно кивнула. Взяла куртку, ключи, и мы вышли из корабля, и направились к моей машине. Видок у моей старушки после всех поездок был еще тот. Оставалось только вывести на заляпанном грязью боку, сакральную надпись: «Танки грязи не боятся!» Но я хмыкнула про себя, все равно, моя машина выглядела намного лучше, чем у Сергееча. Ехать было недалеко.

Может, километров пять, не больше. Но, месить грязь и идти пешком, мне почему-то не хотелось. По дороге, я спросила Игоря:

– А ты хоть раз видел этого самого Юдина в глаза?

Он отрицательно помотал головой.

– Только фотографию в интернете.

Дальше мы ехали в молчании. Я все пребывала в тяжелых думах по поводу разговора с Федором, решая, как и когда рассказать об этом Игорю. И так задумалась, что чуть не проскочила поворот. Игорь посмотрел на меня, в глазах тревога. Я в ответ ему лихо улыбнулась.

– Прости, бессонная ночь дает о себе знать.

Проехав еще метров пятьсот по лесной дорожке, заросшей дерном, на которой блестели небольшие лужицы растаявшего снега, мы остановились у добротного тесового забора, окрашенного в серый цвет, из-за которого торчала крыша небольшого домика, покрытая по старинке шифером. А Игорь принялся мне тихим голосом рассказывать:

– Этот домик принадлежал раньше егерю. Юдин его купил за гроши у охотхозяйства, когда эту территорию отвели под туристическую зону. Отремонтировал, и теперь живет здесь, видимо, ожидая того момента, пока переберется в хоромы Мезенцева.

Я с любопытством оглядывалась. Ничего необычного не заметила. Простой деревенский дом. Правда выстроен добротно, на фундаменте из дикого камня. Да, и место было шикарное. Небольшая поляна, с одной стороны лес стоит стеной, а с другой река. И не скажешь, что какая-то цивилизация рядом имеется. С удивлением про себя отметила, что хотела бы жить в таком доме и в таком месте. Тихо, покойно, никто не потревожит. Станный выбор для упыря, каким я себе представляла этого самого Юдина.

Тем временем, мы подошли к воротам. На столбе имелась кнопка звонка. Не современной охранной сигнализации, а обычная кнопка, к которым мы привыкли еще со времен нашего детства. На белом квадратике пластмассы, черная пипочка. Сверху была пристроена латка из дерматина, чтобы, значит, дождь не попадал. Мы позвонили, и стали ждать. Первым на наш звонок отозвался яростный собачий лай. Дверь в домике открылась и на дорожку выскочил здоровенный лохматый кобель, и понесся к калитке. Насколько я могла судить, собака была какой-то немислимой помесью. Что тоже, на мой взгляд, говорило только в пользу хозяина. Не баловень какой-нибудь породистый, чистых кровей, а нормальный сторожевой пес, родословная которого уходила далеко вглубь к обычным дворовым «Тузикам».

Я сурово нахмурилась, злясь на себя за то, что как-то уже стала проникаться симпатией к неведомому хозяину. Мне пришлось даже напомнить себе, что это, скорее всего, логово затаившегося врага, а вовсе не друга. Следом за собакой из дома появился человек. Сначала я даже подумала, что это просто сторож. Довольно высокий, плечистый, с небольшой бородкой, с чудесной волнистой шевелюрой длинных, до плеч волос, в которых уже виднелась седина. Обычный свитер грубой ручной вязки и потрепанные джинсы. Он громко свистнул собаке и позвал ее:

– Алаш, ко мне!! Свой, Алаш, свой...

Пес притормозил слегка, потом развернулся и рванул к хозяину. Хвост его заходил туда-сюда, при этом собака радостно повизгивала, подставляя свою огромную медвежью башку под ласковую руку хозяина. Мужчина неспеша подошел к калитке, и, вполне доброжелательно улыбаясь спросил:

– Вы к кому?

Я с легким недоумением поглядывала на него, все еще надеясь, что это сторож. За нас обоих ответил Игорь.

– Мы ищем Юдина Кирилла Захаровича. И если это вы, тогда мы к вам.

В глазах у мужчины зажегся интерес, и он чуть на распев произнес:

– Юдин Кирилл Захарович – это я. С кем имею честь...?

А я про себя фыркнула. Еще не хватало, чтобы он при этом щелкнул каблуками и спросил Игоря: «В каком полку служить изволите?» Так как я все еще пребывала в легком недоумении, и была способна сейчас только хлопать глазами, говорить продолжал Игорь. Он сначала представился сам, а потом, поглядывая с недоумением на меня, представил и мою скромную персону.

Юдин, видя мою легкую заторможенность, слегка улыбнулся. Только на одно мгновение. Но, мне вполне этого хватило, чтобы прийти в себя. Улыбка у него была... Не улыбка вовсе, а ядовитая ухмылка, оценивающая, жесткая. Нет, дружок, я не ошиблась... А красивых «фантиков» я в своей жизни повидала. Юдин, тем временем, распахнул перед нами калитку, и с широким жестом гостеприимного хозяина предложил:

– Ну, тогда проходите. Чего ж на улице-то разговаривать. А собаку не бойтесь, он вас не тронет. Сами понимаете, без собаки в таком месте никак нельзя. – Он шел впереди, а мы семенили за ним.

Я все время оглядывалась, стараясь, чтобы это не было уж так явно. Двор, как двор. Зеленая лужайка, уже вытаявшая из-под снега. Несколько голых кустов сирени возле крыльца. Огромная старая черемуха у дальнего края забора. Рядом с домом небольшой гараж, по-видимому, переделанный из старой сараюшки. Вот, собственно, и все. Ничего зловещего, ничего особо примечательного. Ни тебе пыточных, ни тебе столбов с цепями и оковами. Все патриархально, благостно и пристойно. Если бы не его эта мимолетная ухмылка, я бы сделала вывод, что в оценке Юдина мы ошиблись, и, что произошедшее с Сергеичем не имеет к нему ни малейшего отношения. Но, торопиться с выводами я себе отсоветовала. Как известно, поспешить – людей насмешить.

Тем временем, мы вошли в дом, вслед за хозяином. Пес остался на крыльце и провожал нас настороженным взглядом. Войдя в дом, я осмотрелась. Обычный деревенский дом. Все из дерева. Даже мебель вся деревянная безо всяких городских изысков. Даже русская печь имела место быть. Не дом, а моя голубая мечта. В таком доме должно пахнуть по утрам вкусным печеном, звучать детский смех, кот должен мурлыкать на печи, на стене тикать «ходики», а по вечерам из дальнего уголка должно раздаваться треньканье сверчка. От моих мечтаний меня отвлек Игорь. Он дернул меня за руку. Я слегка вздрогнула и посмотрела с изумлением на него, будто, только сейчас обнаружила его присутствие рядом со собой. И тут до моего слуха, наконец, донесся чуть насмешливый голос хозяина.

– Что вы предпочитаете пить? Чай, кофе, или что-нибудь покрепче? – Судя по выражению лиц мужчин, вопрос этот он задавал мне уже не в первый раз.

Эк, меня занесло с мечтами-то! Взгляды, обращенные на меня, были разные. Юдин смотрел на меня с легкой насмешкой, Игорь – с недоумением. Я поспешно пробормотала:

– Чаю, пожалуйста, если не трудно...

И сердито глянула на друга, хотя сердиться должна была на себя. Но, уж больно дом этот произвел на меня впечатление. Кирилл Захарович быстро собрал на стол. Чувствовалась привычка, а еще, что не привык он к обслуживающему персоналу. По крайней мере, присутствия кого-либо еще в доме не ощущалось.

Когда мы сделали несколько глотков чая из своих чашек, хозяин наконец задал свой вопрос:

– Ну-с... Чем обязан...?

Игорь бросил взгляд на меня и заговорил первым. Меня это вполне устроило. Во-первых, сохранялся некий паритет. Так сказать, мужской разговор. А, во-вторых, мне можно было свободно крутить головой, как бы со стороны наблюдая за собеседником.

Глава 12

Игорь еще хлебнул чайку и, серьезно глядя в глаза собеседнику, начал:

– Вы, наверное, уже слышали, с Сергеем произошла неприятность. – Он замолчал, ожидая реакции от Юдина.

Кирилл Захарович с недоумением посмотрел на нас, и отрицательно помотал головой, потом, поспешно заговорил:

– Что вы говорите? А что такое случилось с Сергеем Сергеевичем? – Он с интересом посмотрел на нас.

А я про себя усмехнулась. Удивление у него вышло так себе. Тут не нужно было быть квалифицированным психологом, чтобы разглядеть фальшь, сквозившую в его вопросах-ответах. Когда ваш собеседник на ваш вопрос или какую-то информацию отвечает фразой «что вы говорите?», готова съесть собственные ботинки, но он точно понимает, о чем вы его спрашиваете. Я не выдавала своих эмоций, просто сидела и смотрела на него слегка скорбным взором, вполне соответствующим той информации, которую выдавал сейчас Игорь. Говорил он довольно сухо, можно сказать, казенным языком, без тени того, как он сам относится ко всему этому.

– Скажите, Кирилл Захарович, Сергей Сергеич получил у вас деньги для аванса рабочим и техническую документацию на проведение работ?

Юдин, слегка переигрывая недоумение, ответил:

– Конечно!! Все, как мы договаривались. А почему ВЫ об этом спрашиваете? И что приключилось с Сергеем Сергеевичем?

Тут, моей выдержки не хватило, и я встряла:

– А разве, к вам не приезжал следователь? После происшествия он здесь всех опрашивал. – В моем голосе явно звучало недоверие.

Юдин с возмущением глянул на меня.

– Может и приезжал, но со мной не разговаривал! И я не в курсе всего того, о чем вы говорите! Можете мне, наконец, объяснить, что произошло?!

Я уже сидела и кусала себе язык. Ну, вот, зачем я полезла!! Пусть бы Игорь вел эту беседу. Так, нет, неймется мне, будто в одном месте шило мешает, блин! Я виновато глянула на Игоря. Он в ответ на мой взгляд чуть закатил глаза, а я покаянно вздохнула. Мой друг опять заговорил спокойным голосом.

– Видите ли, после того, как Сергей Сергеич получил у вас деньги и документы, на него было совершено нападение. Сам он едва остался жив. И сейчас находится в больнице. Машина его была похищена. И только вчера была обнаружена милицией на дне старого карьера. Ее пытались сжечь. Но снег помешал. И в ее багажнике был найден пакет с деньгами и документами. Но, как вы сами понимаете, этот пакет изъяла милиция, как вещественное доказательство. И его не вернут, пока дело не будет закрыто. Никто не знает, когда этот счастливый миг настанет. А бригада, которая работает на вашем объекте, осталась без денег. Вот мы с Людмилой Алексеевной и пришли похлопотать. Возможно, вы сумеете решить эту проблему. Ведь, в конечном итоге, мужики не виноваты, что так случилось. А кушать хочется всем. Да, к тому же, для работы им нужны и документы, дубликаты которых, я надеюсь, у вас имеются.

Игорь замолчал, и мы вдвоем уставились на Юдина, ожидая от него ответа. Он смотрел на нас, широко открыв глаза. Потом, покачивая головой, выразил крайнюю степень удивления.

– Это просто невероятно!!! Я даже себе представить не мог, что такое случилось с прорабом!! Мне говорили, что он иногда может уйти в запой. Я и подумал, что это с ним случилось. А милиция, да, милиция приезжала. Но, меня не застали. Мне мой сторож сообщил об этом визите. Правда, о сути вопроса мне было неизвестно. И, разумеется, я позабочусь о бригаде.

Может быть, требуется какая-то помощь в больнице, для Сергея Сергеича? Может быть, какие-то лекарства? Или консультация более квалифицированных специалистов?

Мы спокойно выслушали весь его эмоциональный поток, все восклицания и все, в общем-то, риторические вопросы. Когда он закончил кудахтать, Игорь ему спокойно ответил:

– Нет, спасибо. Ничего не требуется, кроме того, что мы вам сообщили. Просто, помогите бригаде.

Юдин покивал с умным видом, а потом, внимательно глядя на нас, спросил:

– Скажите, а почему именно вы хлопчите за бригаду. Вы имеете какое-то отношение к Сергею Сергеичу? Или вас кто-то попросил об этом?

Я хотела бы ему ответить, но вспомнив про свое неуместное предыдущее выступление, просто посмотрела на Игоря. До сих пор он вполне успешно справлялся с нашей миссией. Игорь не подвел.

– Нас никто не просил. Просто, эти же люди строили наши объекты. Мы их хорошо знаем. Здесь очень тесный мирок, вы это скоро поймете. С нашей стороны, это простое человеческое участие, не более того. – С этими словами, он поднялся из-за стола.

Я встала вслед за ним. Юдин вскочил и запричитал.

– Уже уходите? А я надеялся еще кое о чем вас расспросить. Так сказать, как местных сторожил. – При этом он смотрел на меня, и взгляд его мне, почему-то, очень не нравился.

Спросили бы меня в тот момент, чем? Я бы не смогла ответить. Но, не нравился, и все тут! Возможно, сработало некое предубеждение против этого человека, а, возможно, дремавшая интуиция вдруг решила лениво приоткрыть один глаз. Скромно опустив глазки, я тихо проговорила:

– Ну, сторожил у нас тут только Игорь Олегович. Он дольше всех здесь прожил. Я здесь всего чуть больше года нахожусь. Так что, если у вас есть вопросы, то это к Игорю Олеговичу.

Взгляд, который работал словно поисковый зонд, переместился на Игоря. А я с облегчением выдохнула. Было такое ощущение, что меня держали за горло, а сейчас ослабили хватку. Мне срочно захотелось уйти из этого дома, и, вообще, подальше от этого места. А тем временем, наш хозяин обратился к моему другу.

– Простите, ради Бога, но, насколько я знаю, ваша фамилия Кондрашенков. Это так?

Игорь, внимательно посмотрел на Юдина, и медленно ответил:

– Да, Кондрашенков Игорь Олегович. А вас это интересует в плане обычного знакомства, как соседа, так сказать..., или...?

На лице Юдина расцвела улыбка, как будто он встретил своего близкого друга, которого многие годы считал умершим. Я, даже подумала, что он сейчас кинется Игорю на шею со слезами радости на глазах. Но, слава Богу, обошлось.

– Господи!!! Так вы сын Кондрашенкова Олега Юрьевича??? Профессора Кондрашенкова??? Я столько слышан о вашем отце!!! Бог мой!!! Никогда бы не подумал, что так вот могу с вами встретиться!! – Восторженные фразы лились из его уст сплошным потоком, и не было им конца.

Мы замерли на середине дороги между столом и дверью. Игорь смотрел на него с интересом, а я с легкой тревогой. Мне весь этот фонтан восторгов почему-то, очень не нравился. А меж тем, наш хозяин продолжал говорить.

– Знаете, я в свое время посещал лекции вашего отца. Великий человек был и большая умница. Видите ли, я по образованию филолог. Казалось бы, никакого отношения к истории не имею, но однажды, мне пришлось писать работу по теме «Духовная литература 16 века». И мне посоветовали посетить лекции вашего отца. Я не мог остановиться, настолько меня завораживали и вдохновляли его лекции. Я даже подумывал перейти на исторический факультет, но тут случилось несчастье с Олегом Юрьевичем. В общем, в итоге, я закончил филфак. Но память о профессоре Кондрашенкове я сохранил...

Он собирался еще продолжить свои излияния, но тут с улицы раздался автомобильный сигнал. Юдин слегка поморщился, выглянул в окно, и извиняющимся тоном проговорил:

– Простите, привезли материалы, мне нужно заняться этим. Но, я надеюсь, мы сможем продолжить нашу беседу. Как-никак, мы с вами теперь соседи. А за бригаду не волнуйтесь. Я сегодня же съезжу на объект и все решу с мужиками.

Мы поспешили выйти из дома. На крыльце стоял пес Алаш и внимательно смотрел в сторону ворот, но голоса не подавал. Стало быть, приехавшие были ему хорошо знакомы. За воротами стояла маленькая грузовая «Газель», а рядом с ней сустились несколько человек в камуфляжной форме. Простившись с хозяином, мы поспешили к моей машине. Уже садясь в кабину, Игорь вдруг замер, пристально глядя на разгружающих грузовичок людей. Я высунула голову тоже, заинтересовавшись, что там такого увидел Игорь.

Двое мужиков таскали какие-то ящики в открытые ворота, а около машины стоял третий из приехавших, и что-то разглядывал в тетради. По-видимому, вел учет. Ничего интересного я не заметила. Села обратно в машину и уставилась на друга, ожидая объяснений. Но, Игорь с объяснениями не торопился. Когда я, аккуратно объезжая Газель, вырулила на дорогу, он развернулся всем корпусом, продолжая во что-то внимательно всматриваться. Дорога повернула, и Газель вместе с людьми скрылась из вида. И только тогда, Игорь сел ровно и уставился в окно. Было такое ощущение, что он не видит дороги. Взгляд его был направлен вглубь себя самого, он о чем-то усиленно размышлял, сурово хмурясь. С расспросами я не лезла. Решила, что, когда он будет готов, сам все расскажет.

Мы уже почти доехали до корабля, а он все еще пребывал в задумчивости. Затянувшаяся пауза начинала меня изрядно беспокоить. Я проехала мимо корабля, направляясь в сторону нового котлована, где работала бригада. Надо было успокоить мужиков насчет аванса, ну и про состояние Сергеича тоже рассказать. Только когда машина встала рядом с вагончиком, Игорь с удивлением огляделся. Вопросительно уставился на меня. Я ответила на его взгляд легким пожатием плеча, и пояснила:

– Надо мужикам все рассказать, чтобы не волновались.

Бригада наше сообщение встретила одобрительными возгласами. Крепко пожав на прощание руки, мы расстались с рабочими, отправившись на корабль. Игорь по-прежнему молчал, а я по-прежнему, ни о чем его не спрашивала. Только тогда, когда я накрыла стол для ужина он заговорил.

– Люсь, знаешь, а мы похоже влипли.

Я удивленно вскинула бровь. Но, так как, подобная мысль мне пришла в голову еще тогда, когда к нам приезжал следователь и рассказал о барбитуратах в крови Сергеича, возражать я не стала. Меня удивило другое. Почему этот вывод пришел к Игорю в голову после посещения Юдина, и, казалось бы, обычной беседы «ни о чем»? Что такого он углядел в безобидной болтовне по-соседски? Заметив мою вскинутую бровь, он с тяжелым вздохом проговорил.

– Помнишь того мужика, который возле Газели стоял с тетрадкой? – Я опять молча кивнула головой, мол, помню, и что? – Так вот, я всю дорогу думал, где я его мог видеть. И, наконец, вспомнил. Этот мужик служил в охране Мезенцева. Он один из тех, кто работал на разборке завала, когда я болтался дохлой тушкой на веревке в пещере.

Кусок жаренной картошки, который я подцепила, собираясь отправить в рот, замер на пол пути, а потом тихо шлепнулся на стол, соскользнув с зубчиков вилки.

Глава 13

Я закрыла рот, аккуратно положила вилку, и уставилась на Игоря. Никаких дурацких возгласов или вопросов, типа «не может быть!», или «ты уверен?», я задавать не стала. Просто смотрела на него и ждала, когда он сам начнет говорить. Он с тоской посмотрел на меня, и заговорил. Голос звучал глухо, как будто, воспоминания не давали ему произнести свои слова четко и ясно.

– Понимаешь, я сначала был не уверен. Увидел знакомое лицо и стал вспоминать, где и когда его видел. И вспомнил... – Я шумно выдохнула и закрыла лицо руками.

В голове была только одна мысль, и то не очень цензурная. Звучала она примерно, как «твою дивизию...!!», только еще покрепче. Нет, я вовсе не любитель нецензурной брани, но, иногда случаются ситуации, когда литературный язык не в силах выразить все те эмоции, которые кипят в душе. Совершенно некстати вспомнилось определение слова «мат» в «Толковом словаре живого великорусского языка» великого русского лингвиста Владимира Ивановича Даля. «Мат,» – Писал Даль, – «это эмоциональное выражение русским народом нестандартной ситуации». Впрочем, не берусь утверждать, что процитировала дословно. Но, смысл понятен. Так вот, более «нестандартной» ситуации я себе в данный конкретный момент представить просто была не способна. Что же касается эмоций, то выразить их приличным словом я не могла, по ряду понятных причин. Хотя, надо отметить, что произнесла я это не вслух. Все-таки, хватило выдержки. Значит, кое какие силы еще у меня оставались, чтобы контролировать свое поведение.

Пока я боролась с собой, точнее со своими эмоциями, Игорь легко дотронулся до моей руки, и с болью в голосе проговорил:

– Люсь, ну ты чего...? Не расстраивайся так. Мы выпутаемся, обязательно выпутаемся. Ты же знаешь, вместе – мы сила!!

Я ни слова не говоря, крепко обняла Игоря, спрятав свое лицо на его плече, мысленно вознося хвалу Господу, что он послал мне такого человека, друга, а может и не просто друга. Посидев еще несколько мгновений в такой уютной позе, я посмотрела на Игоря и задала вопрос.

– Как ты думаешь, почему он остался жив, и не попал в завал вместе со всеми? То, что он смог оттуда выбраться, даже не думай. Это невозможно, потому что невозможно ни при каких обстоятельствах. – Я тяжело вздохнула.

Говорить о тех событиях я не любила по известным причинам. Воспоминания давались мне с большим трудом и причиняли боль. Но, сейчас, мои чувства были не важны. Необходимо было понять все произошедшее и разобрать его, как говорится, по винтикам. И тут уж, всякие душевные метания и переживания были не в счет. Как всегда, в подобных ситуациях, я начала рассуждать вслух.

– Давай, по порядку. Начнем с того, как он смог выжить. У тебя есть какие-либо идеи на этот счет?

Игорь сокрушенно помотал головой.

– Прости, мне в то время как-то было не до того.

Я понимающе покивала головой.

– Да, понимаю. Я тоже как-то не отслеживала процессы их передвижений на тот момент. У меня была несколько иная задача, как нам головы свои сберечь. Но, тогда, давай просто пофантазируем. Впрочем, фантазии не должны выходить за рамки логики. Когда Мезенцева вызвали по рации и он, забрав с собой своих гоблинов вышел из пещеры, с тобой оставался только один. Я его... хм... обезвредила. Позже, я дождалась, когда Мезенцев вернется, и звоня сначала выход из пещеры на волю, а потом отрезала их от коридора, в котором прятались

мы. Я помню, что Мезенцев и еще двое сначала вышли, а потом в таком же количестве вернулись. На лица я, конечно, не смотрела. Трое ушли, трое вернулись. Давай предположим, что тот, которого мы видели сегодня у Юдина, вышел с Мезенцевым, но не вернулся обратно, а этот упырь привел с собой другого ему на замену. Тогда, чудесное «воскрешение» сегодняшнего типа вполне объяснимо. Другого, более здорового и логичного объяснения у меня просто нет. То, что кто-то выбрался из завала... Это вряд ли. К тому же, Хранители этот... они процесс контролировали. И заметь, исчезновение Мезенцева и трех его подручных не вызвало сильного переполоха. Ну, да... Милиция поездила, поспрашивала о том, кто и что видел или слышал. Никто ничего не видел и не слышал, и все. На этом все успокоились. Мне еще тогда все это показалось довольно странным. Создавалось впечатление, что власти подумали, что Мезенцев просто сбежал от своих кредиторов, коих, как ты выяснил, оказывается, было немало. Оставались его машина, документы, в конце концов!! Думаю, без Хранителей не обошлось. Концы они зачистили, что не подкопаешься. Но, ведь, у пещеры оставались люди из его охраны. Кто-то же вызвал его из пещеры по радиации тогда. Но, они молчали, как бетонные столбы. Значит, их об этом кто-то убедительно попросил. И этот кто-то, был вполне себе могущественный. Заметь, их не «убрали». Они просто как-то рассосались на просторах Родины. А этот, поди ж ты, живехонький, здоровехонький. Бегаёт, как ни в чем ни бывало с новым хозяином. Спросить Юдина о нем, не выдавая свой интерес к данной ситуации, мы не можем. Значит, надо задать вопрос Хранителям. Теперь, у меня возникает другой вопрос. Этот «воскресший» гражданин, наверняка хорошо осведомлен о пещере, а также жгучем интересе к твоей персоне своего бывшего хозяина. Но, обо мне, и моем активном участии в процессе, он знает вряд ли. Мезенцев-то об этом, как говорится, ни сном, ни духом. Значит, что...? Значит, если Юдин как-то связан со всей этой историей, проявит активный интерес к тебе. Меня он не считает серьезным игроком. Пускай и дальше так будет. Не стоит лишать людей их иллюзий. – Я на секунду замолчала, внимательно глядя на Игоря. Потом, закончила свои рассуждения. – Ну, вот... Я эту ситуацию вижу как-то так. Что скажешь?

Игорь задумчиво ковырял вилкой в своей тарелке. А я с тоской подумала, что просто обязана все ему рассказать о том, что мне поведал Федор. Иначе, у него не будет ясной картины происходящего. Он еще ничего не успел мне сказать, а я решительно произнесла:

– Игорь, я должна тебе кое-что рассказать. – Он молча поднял на меня взгляд. В глазах легкое недоумение.

Я тяжело вздохнула и начала:

– В общем так... Ко мне ночью приходил Федор...

И я ему поведала все без утайки. Он внимательно слушал, не отрывая от меня взгляда. Закончив говорить, я посмотрела на него виновато.

– Прости... Мне Федор наказал никому ничего не рассказывать, даже тебе. Не могу сказать, чем была обусловлена его просьба. Хранители очень недоверчивы. Оно и понятно, при их то стиле жизни и поставленных перед ними задачами. Им кругом враги мерещатся. Хотя, судя по последним событиям, и вовсе не мерещатся. Но, мы с тобой теперь как одно целое, и я не могу, да и не хочу, что-то скрывать от тебя. – Проговорив это, я с облегчением выдохнула.

Будто, тяжелый камень свалился с моих плеч. Даже дышать стало легче. Взгляд, которым я смотрела на Игоря был виноватым и умоляющим. Он грустно улыбнулся, встал со своего места, подошел ко мне. Я поднялась ему на встречу. Мы обнялись, и так постояли в молчании, слушая дыхание друг друга. Я шмыгнула носом. Игорь отстранился от меня немного, заглянул мне в глаза, и с усмешкой произнес:

– Ты, никак, реветь собралась? – Голос звучал нежно.

Я с преувеличенным старанием замотала отрицательно головой. Потом, еще разочек шмыгнув для приличия, села обратно на стул и жалобно проговорила:

– Ну, и чего сейчас нам делать прикажешь? Ты же понимаешь, если Юдин принадлежит к этим, как их, к Радельцам, он просто так от тебя не отстанет. – Потом, я со страхом посмотрела на друга. – Игорь, я не хочу больше никого лишать жизни. Мне и прошлых моих грехов за глаза. Мои хрупкие плечи больше не выдержат...!

Он с усмешкой посмотрел на меня.

– Ну, так уж и хрупкие... такой «хрупкости» любой мужик позавидует – Комплимент мне показался сомнительным, и я нахмурилась. Игорь, заметив мою недовольную гримасу, поспешно проговорил. – Я имел ввиду не твои габариты, а только то, что ты по силе духа не уступишь любому мужчине. – Он запутался в своих объяснениях и сейчас стоял рядом и с виноватым видом смотрел на меня.

Я решила не обижаться. Какая есть, такая и есть. Другой уже точно не стану. Кому не нравится, пускай не смотрят. Но, Игорю, по всей вероятности, нравилась. Потому что он продолжал смотреть на меня покаянным взглядом. Я вздохнула и махнула рукой, мол, ладно, чего уж там. Сейчас меня больше интересовала не собственная персона, а что мы будем дальше делать. Вроде бы, все было предельно понятно, кто есть кто. А вот, делать что, мне понятно не было.

Мы еще немного поговорили с Игорем на эту тему. Ничего путного так и не решили. Разве что, смотреть в оба, ушки на макушке держать. А завтра решили съездить покататься на лошадях, заодно и Хранителем про «воскресшего» рассказать надо было. Я, почему-то решила, что это важно, а Игорь спорить со мной не стал. Он было собрался уходить, чему я категорически воспрепятствовала. Если этот товарищ, который нам и вовсе не товарищ, все рассказал Юдину (а я была в этом твердо убеждена), то мне не хотелось, чтобы Игорь сейчас оставался один. Он собрался меня переубедить.

– Да, чего они мне сделают. Не думаешь же ты...

Я не дала ему закончить, как всегда, когда меня переполняли эмоции.

– Ты что, опять захотел тушкой на веревке поболтаться?! Или, как Сергеичу, накачанному этими чертовыми барбитурами с проломленной головой где-нибудь в овраге есть желание повалиться???!! А мне что прикажешь делать, опять из себя снайпера изображать?! Ну, уж, дудки!! Это не обсуждается!! На ближайшее будущее мы с тобой становимся неразлучны, как Сиамские близнецы!! Если тебя что-то не устраивает, то жалобы и претензии я принимаю в письменном виде строго по четвергам, после дождика. Если, у вас, сударь, возникли вопросы, задавайте. С удовольствием отвечу. – И я с легкой угрозой во взоре уставилась на Игоря.

Не выдержав, он рассмеялся. Закончив веселиться, он проговорил успокаивающее.

– Хорошо, хорошо... Как скажешь.

Довольная таким поворотом событий, и тем, что мне не пришлось демонстрировать свои бойцовские качества, чтобы убедить друга, я предложила ему прогуляться перед сном. Погода, вроде бы, налаживалась. В воздухе пахло весной. И на сон грядущий это будет весьма полезно. Игорь согласился легко. Я быстро убрала посуду в раковину, решив, что помою позже.

Ночь уже вовсю разгулялась, выползая из-под полога леса, замершего в ожидании прихода весны. Будто, молодой мальчишка на первом своем свидании, ожидающий свою юную подружку Весну. Во всей его фигуре читалась надежда и одновременно легкое отчаянье: а вдруг не придет? А она, кокетка такая, все опаздывала, задерживалась, все не шла, и не шла к бедному влюбленному юноше, а сама выглядывала из-за угла, проверяя, насколько хватит терпения у парня еще ждать. С реки раздавался шум, временами доносились грохочущие звуки. Это нетерпеливая, дикая кобылица-Река, взбрыкивала, дробя и переворачивая куски ледяного панциря, который сковывал ее бег.

Выйдя на улицу, мы, как по команде замолчали. Не скажу, что я подозревала слежку, или спрятавшихся в темноте недругов, жаждущих подслушать наши разговоры. Просто, я была эмоционально выжата, как спитой пакетик чая, после неоднократной заварки. Говорить совсем

не хотелось. Мы держались с Игорем за руки, словно маленькие дети, боящиеся потеряться в этой непроглядной, смоляной и вязкой ночи.

Глава 14

Я проснулась от того, что кто-то осторожно дотронулся до моего плеча. С трудом разлепив глаза, увидела склонившегося надо мной Игоря.

– Люсь, – шепотом произнес он, – Мне идти надо. Там мастер приехал, машину мою ремонтировать. Закрой за мной дверь.

Я сладко потянулась. Вылезать из-под теплого одеяла совсем не хотелось. Я ругнулась про себя, помянув этого мастера, который в такую рань ездит ремонтировать машины. Встала с кровати и босыми ногами зашлепала вслед за Игорем к дверям. На пороге он чмокнул вполне невинно меня в щеку и проговорив, что завтрак ждет меня на столе, вышел.

Понятное дело, спать я уже больше не легла. Позавтракав, сварила себе чашку кофе и поднялась на палубу. Сегодня я себе наметила выполнить кое-какие работы на корабле. Весна все быстрее набирала обороты, и требовалось провести проверки всех систем перед началом сезона, начиная от электрики, и заканчивая сантехникой. Кстати, следовало позаботиться и об озеленении, которым я занималась сама. В общем, чем себя занять на то время, пока Игорь будет возиться со своим железным конем, у меня было. Сделав несколько звонков, и договорившись со специалистами о ревизии сетей, я решила заняться уборкой территории. Снег почти растаял, и сейчас вид места вокруг кораблей был не очень презентабельным. Спустившись вниз, я переоделась, взяла в кладовой инструменты и отправилась совершать трудовой подвиг, тем более что, за работой легче думалось. А подумать было о чем.

Процесс меня увлек. Приехали мастера и стали заниматься профилактикой сетей. После долгой зимы почва кое-где осела. Необходим был ремонт некоторых узлов. Ребята, приехавшие для проверки, успокоили меня, что берут эти проблемы на себя, счет за новые узлы и запчасти, если таковые понадобятся, они включают в общий счет за оказание услуг, и сдадут мне все работы, так сказать, «под ключ». В общем, волноваться и суетиться по этому поводу мне совсем не обязательно. И я со всей душевной страстью занялась уборкой территории.

Я уже почти закончила чистить и скрести, большие черные пластиковые мешки стояли у ворот, ожидая, когда их вывезут на свалку. И только тут заметила, как по дороге, в направлении корабля идет человек. Я разогнула спину, сделала руку козырьком, чтобы лучше разглядеть, кого это мне Бог посылает. С некоторым удивлением, узнала, что Бог мне на этот раз послал господина Юдина Кирилла Захаровича, собственной персоной. Не скажу, что меня само появление этого господина удивило. Вовсе нет. Я ожидала, что он захочет продолжить наше знакомство. Меня, скорее, удивил способ его передвижения. Никак не ожидала, что подобная персона способна передвигаться на значительные расстояния пешим порядком. Мне казалось, что подобные люди пешком вообще не ходят. И надо же, так сказать, сюрприз. И вообще, вспоминая свои первые ощущения от встречи с Юдиным, должна была отметить, что уж слишком много в нем было противоречий. И, если бы я не знала кто он такой, могла бы принять его за очень милого интеллигентного человека, решившего пожить в лесной глуши, на лоне, так сказать, природы. Но, сделать подобный вывод мне что-то мешало.

Он подходил все ближе, и необходимо было решать быстро. Хочу ли я с ним встречаться, или лучше будет технично смыться на корабль, сделав вид, что я его не узнала, что меня вдруг посетила абсолютная глухота, а заодно и временная потеря зрения? Решив, что своего противника неплохо бы узнать как можно лучше, я, опершись на древко метлы, стала поджидать, когда Кирилл Захарович приблизится. Заметив мою позу, Юдин расплылся в улыбке и приветливо помахал мне рукой.

– Здравствуйте, Людмила... э... – Он замолчал, изображая мучительную работу своей памяти, чтобы вспомнить мое отчество.

Ход был известный и распространенный. Я решила, что будем играть, пока, по его правилам, и поспешила прийти к нему на помощь. Демократично махнув рукой, я благодушно проговорила:

– Можно просто, Людмила. К чему церемонии. Мы тут почти что все уже, если и не родственники, то друзья и соседи.

Он мне благодарно улыбнулся, и стал с интересом вертеть головой.

– Тогда и вы уж, зовите меня просто Кириллом. – решил он тоже поиграть в демократа. А потом с восхищением во взоре, продолжил. – Знаете, я ведь не так давно здесь. Очень много был наслышан про ваши корабли. И никак не мог поверить, что такая хрупкая женщина может осилить такую стройку. Примите мои поздравления!! Поверьте, такой комплимент из моих уст слышат немногие, и особенно женщины.

На его лице отразился восторг. Я в долгу не осталась, и нарисовала на своей физиономии выражение, называемое «Ну, хвалите, меня, хвалите...». Потом, когда мышцы на лице уже устали держать рот в радостной улыбке, я предложила:

– Не хотите ли кофейку выпить?

Он с готовностью согласился, только попросил, чтобы я ему провела предварительную экскурсию, «если меня это не затруднит, и не будет выглядеть нахальством с его стороны». Естественно, меня это не затруднило. И пошло-поехало: посмотрите налево, посмотрите направо. Ах, как вы все здесь чудесно устроили!! А это техническое решение тоже вам принадлежит? Да, что вы!!??? Неужто...??? Не может быть...!!! В общем, мы продолжали приседать в бесконечных реверансах, не уступая в мастерстве и виртуозности комплиментов друг другу. Минут через десять подобных упражнений, мой гость начал уставать. Чувствовалось, что подобными упражнениями он занимался не так часто. Хватка была не та. Я же веселилась во всю. Лишняя тренировка мне не повредит. А здесь, в некоторой изоляции от официальных приемов, я уже как-то стала терять сноровку. В конце экскурсии его речи уже не были столь многословны и наполнены красочными эпитетами. Выражения становилась все суше и все деловитей. Иногда, даже стали прорываться некоторые командные нотки в голосе, к чему, я думаю, он привык больше. Отметив про себя, весьма ехидно, должна признаться, что раунд закончился счетом 1:0 в мою пользу, я наконец привела его на верхнюю палубу, и усадила за столик, заверив, что кофе на свежем воздухе пить намного приятнее, чем в душном закрытом помещении. Проводить его внутрь жилого корабля мне не хотелось. Как говорится, мой дом – моя крепость.

Оставив его любоваться прекрасным видом, открывающимся с верхней палубы, я рванула на кухню варить кофе. Пока кофе стоял на плите, метнулась наверх, прихватив бутылку коньяка, блюдечко с нарезанным лимоном, бокалами, кофейными чашками и прочими предметами, и продуктами, необходимыми для встречи гостя. Вскоре, мы сидели, попивая кофе. В бокалах золотился ароматный коньяк. Гость вел себя весьма сдержанно. Вопросы задавал тихим голосом, деликатно избегая совсем открытого любопытства. В общем, светский раут, да и только! Я проявляла все возможное гостеприимство, впрочем, не перегибая палки. Противник был серьезным. И он вовсе не был похож на надутую индюку типа Мезенцева. Овечья шкурка была не просто накинута сверху на волчью спину, а было такое ощущение, что шкурку сию надежно пришили во многих местах. Перефразируя знаменитое выражение: «если ходит, как утка, крикает, как утка, выглядит, как утка, то, значит, это утка», могла сказать: «если выглядит, как барашек, блеет, как барашек, то это вовсе не значит, что это барашек». Надо было как-то вывести его на разговор об отце Игоря. Мне хотелось понять, насколько он глубоко был в этой теме. Осторожно задала вопрос о его увлечениях историей, о профессоре Кондрашенкове. В ответ он принялся вдохновенно рассказывать мне о своем студенчестве, о лекциях профессора, о том, какой был чудесный человек и гениальный исследователь Олег Юрьевич. Он говорил так эмоционально, открыто, что я начала уже было сомневаться. А может, это и

вправду просто «барашек». Но, вот он, очень плавно и технично перешел на тему местных «достопримечательностей», и задал мне вопрос, который заставил меня внутренне напрячься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.